

БЕСТСЕЛЛЕР №1 NEW YORK TIMES

В мире продано
более 150 000 000 экземпляров
романов Болдаччи

ДЛИННЫЕ ТЕНИ

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

Амос Декер

Дэвид Болдаччи

Длинные тени

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Болдаччи Д.

Длинные тени / Д. Болдаччи — «Эксмо», 2022 — (Амос Декер)

ISBN 978-5-04-198679-7

МОМЕНТАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES. БЕСТСЕЛЛЕР № 1 В БРИТАНИИ. В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 150 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ РОМАНОВ БОЛДАЧЧИ. Продолжение серии книг о расследованиях, которые ведет «человек-память» — Амос Декер. Страшный удар по голове пробудил в нем уникальную способность к абсолютной памяти. Декер детально запоминает всё, что когда-либо видел и слышал. **КАЗНЬ ДЛЯ СУДЬИ** Когда Амоса Декера вызывают в Южную Флориду для расследования двойного убийства, дело кажется простым. Федеральный судья и ее телохранитель найдены мертвыми в ее доме. Перед смертью на женщину надели повязку с грубо сделанными прорезями для глаз — явный намек на то, что за годы, проведенные в зале суда, она судила пристрастно. Месть одного из несправедливо осужденных? **ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ** Но почти сразу Декер понимает: дело гораздо сложнее, чем кажется. Почему судья и ее телохранитель были убиты совершенно по-разному и в разных частях дома? Почему охрану осуществлял сотрудник частной компании, а не федеральный маршал? Зачем убийца запихнул ему в глотку денежные купюры далекой европейской страны? **НА ГРАНИ СРЫВА** Между тем у самого Декера началась черная полоса. Начальство, недовольное независимым характером Амоса, назначило ему новую напарницу. И еще, недавняя трагедия вернула память Декера в прошлое, которое он мучительно хочет забыть — и не может. Его психика начинает сбоить. А права на ошибку Декер не имеет: слишком опасным делом он занялся... Дэвид Болдаччи — настоящий классик остросюжетного жанра. Он выпустил более 40 произведений, переведенных более чем на 45 языков и вышедших в более чем 80 странах общим тиражом более 150 000 000 экземпляров; при этом каждый его роман становился международным мегабестселлером. Его имя занесено в Международный зал славы писателей криминального жанра. Романы Дэвида называл в числе своих любимых президент США Билл Клинтон. По его роману «Абсолютная власть»

был снят одноименный киноблокбастер, режиссером и исполнителем главной роли в котором стал Клинт Иствуд. Также по романам Дэвида был снят популярный телесериал «Кинг и Максвелл» (2013). В довершение ко всему, в 1997 г. журнал «Пипл» включил Болдаччи в список 50 самых красивых людей планеты. «Блестящие главные герои и продуманный сюжет гарантируют вам увлекательнейшее чтение». — Kirkus Reviews «Один из самых успешных авторов в жанре триллера, Болдаччи попросту не нуждается в представлении». — Daily Mail «Болдаччи словно примеряет кожу своих героев — и поражает нас глубиной своей эмпатии». — Sunday Express «Болдаччи — один из лучших авторов триллеров всех времен». — Лиза Гарднер «И снова вы можете произнести слова "Болдаччи", "бестселлер" и "киносценарий", не переводя дыхание». — Chicago Sun «Болдаччи по-прежнему не имеет себе равных». — Sunday Times

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-198679-7

© Болдаччи Д., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	45
Глава 12	48
Глава 13	50
Глава 14	53
Глава 15	56
Глава 16	58
Глава 17	62
Глава 18	65
Глава 19	69
Глава 20	71
Глава 21	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Дэвид Болдаччи

Длинные тени

David Baldacci

LONG SHADOWS

Copyright © 2022 Columbus Rose, Ltd

This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest

Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

В оформлении переплета использована иллюстрация:

© Viorel Sima, Aleksandrs Sokolovs / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Дэвид Болдаччи – настоящий классик остросюжетного жанра. Он выпустил более 40 произведений, переведенных на более чем 45 языков и вышедших в более чем 80 странах общим тиражом более 150 000 000 экземпляров; при этом каждый его роман становился международным мегабестселлером. Его имя занесено в Международный зал славы писателей криминального жанра.

Романы Дэвида называл в числе своих любимых президент США Билл Клинтон.

По его роману «Абсолютная власть» был снят одноименный киновблокбастер, режиссером и исполнителем главной роли в котором стал Клинт Иствуд. Также по романам Дэвида был снят популярный телесериал «Кинг и Максвелл» (2013).

В довершение всего, в 1997 году журнал «Пипл» включил Болдаччи в список 50 самых красивых людей планеты.

Джинни и Биллу Колуэлл,

*двум совершенно особенным людям —
за все, что вы сделали для столь многих*

Глава 1

– Кто это, черт возьми? – рывкнул Амос Декер, вырванный из недр сна. И ведь уснул-то куда глубже, чем удавалось обычно! Бессонница усугубилась, отнюдь не благоприятствуя его и без того непредсказуемому темпераменту. Он даже не глянул на номер телефона на экране, прежде чем ответить. При его роде занятий позвонить могут в любое время дня и ночи, и далеко не всегда абоненты из его списка контактов.

– Амос, это Мэри Ланкастер, – послышался негромкий дребезжащий голос. – Ты меня помнишь?

С кряхтением сев в постели, Декер потер небритое лицо и увидел на экране, что уже почти три часа утра.

– Раз уж я практически не способен забыть что бы то ни было, как же могу я забыть тебя, а, Мэри? – Он похлопал себя по щекам, стараясь разогнать туман, окутывающий сознание. И тут же мысленно уцепился за время звонка – тревожный сигнал уже сам по себе. Напряженным голосом добавил: – Мэри, что-то стряслось? Почему ты вообще в такой час на ногах?

Мэри Ланкастер была раньше напарницей Декера в Берлингтонском департаменте полиции в Огайо. И еще тогда ей диагностировали раннюю деменцию. Болезнь вошла в штопор, а деградирующий мозг потащил за собой на дно все остальное.

– Я в норме. Не могла уснуть.

Судя по голосу, Декер не сказал бы, что она в норме. С другой стороны, он не говорил с ней уже давненько, и может быть, сейчас это ее норма.

– У меня тоже с этим проблемы.

– Я просто хотела услышать твой голос... Почему-то как раз сейчас мне показалось это очень важным. Я просто набиралась храбрости позвонить тебе.

– Ты можешь звонить мне, не заморачиваясь, даже среди ночи.

– Понять время так трудно, Амос, – ночь, а потом день... Впрочем, теперь мне уж трудно понять все на свете. И... это так жутко пугает, потому что... каждый день кажется, что... от меня остается... в-все меньше и меньше.

Он вздохнул – трагическая искренность ее слов задела его за живое особенно сильно.

– Знаю, Мэри. Понимаю, почему ты так чувствуешь.

– Да, я так и думала, что *ты* поймешь.

Ее голос чуть окреп. Декер надеялся, что это добрый знак.

Он прислонился к скрипучей спинке кровати, словно ища опоры у дерева при таком неожиданном повороте событий. Оглядел тесные пределы своей крохотной спальни. Декер прожил тут девять лет, но комната выглядела так, будто он только-только въехал или просто остановился проездом.

Он консультант в ФБР. Давным-давно, профессионально играя в футбол, Декер получил почти смертельную травму головы, и его изменившийся мозг приобрел два новых качества, о существовании которых он до той поры и не подозревал, не имея к тому ни малейших оснований – гипертимезию, то есть безупречную память, и синестезию, заставляющую его сопоставлять определенные вещи с немислимыми цветами. В его случае трупы ассоциируются с оттенком цвета электрик. Распростившись с карьерой футболиста, Амос стал полицейским в родном городе, поднявшись до поста детектива, так что видеть трупы ему было не в диковинку.

Они с Ланкастер успешно сотрудничали в расследовании множества дел. Безупречная память для детектива – божий дар, но для человека – тысяchefунтовое бремя. Время не лечит ни малейшей из его прошлых горестей. А уж если на то пошло, то лишь усугубляет.

Жил он на квартире в Вашингтоне, округ Колумбия, в здании, принадлежащем его другу Мелвину Марсу. Декер был первым, с кем Марс встретился, оказавшись в камере смертников в

Техасе. Он доказал невиновность Марса, и тот получил солидные отступные за неправомерное лишение свободы. Часть барыша он потратил на покупку многоквартирного дома, а недавно женился и перебрался в Калифорнию.

Бывшую напарницу Декера по ФБР Алекс Джеймисон перевели в Нью-Йорк, где она вроде бы обрела любовь в лице инвестиционного банкира с Уолл-стрит. Его прежний фэбэ-эровский начальник Росс Богарт подал в отставку и теперь учится играть в гольф – по слухам, скверно – в Аризоне.

Значит, теперь Декер остался один. Он знал, что этот день настанет. Так что звонок от старой напарницы был ко двору даже в этот час.

– Как ты, Мэри? В смысле, по-настоящему, как ты?

– Так себе. Каждый день как... испытание.

– Но голос у тебя нормальный.

– Хочешь сказать, что способна связать два слова? Мм-медикаменты с этим помогают... порой. Сейчас как раз такая пора. Я... обычно не такая. Я обычно... *не* нормальная.

Амос решил направить разговор в другое русло.

– Как там Эрл и Сэнди? – То есть муж и дочь Мэри. – Спят, наверное...

– Выбрались в Кливленд навестить мать Эрла. Ей нездоровится. Наверное, долго на этом свете не протянет. Она старая и вообще-то слабоумная, как я.

– Мне ты не кажешься слабоумной, Мэри.

– Да, ну...

– Погоди, если они в Кливленде, кто же остался с тобой? – Когда он навещал ее в последний раз, ей помогала сиделка.

– Как раз сейчас я в норме, Амос. Я тут в полном порядке.

– Уж и не знаю, Мэри... Какое-то у меня недоброе чувство на этот счет.

– Тебе вовсе незачем тревожиться обо мне.

Послушать – так почти прежняя Мэри. Почти.

Но было тут что-то еще, и это что-то Декеру совсем не нравилось.

Глава 2

Амос опустил свои большие ступни на холодный деревянный пол.

– Я имел в виду, что хочу навеститься к тебе в гости. Давненько уж не видались. Но говоришь ты лучше... чем в прошлый раз.

– Да, давненько. Слишком давно. Но не ты. Я.

Выпрямившись, Декер устремил взгляд за окно, на огни города, лениво подмигивающие ему из темноты.

– Я... э... я не понял. Наверное, еще не оклемался от сна, – добавил он в качестве объяснения, хотя она несла какую-то бессмыслицу.

– Это... эта ужасная штука у меня... в голове. Это... ужасно.

– Знаю, Мэри. И хочу, чтобы тебе не приходилось с ней терзаться. – Он замолчал, мучительно подыскивая более участливые слова, но эта задача была бы не в тягость его прежней личности – и почти невыполнима для нынешней. – Я... хотел бы, чтобы было лекарство.

– И для тебя тоже, – откликнулась она. – Для тебя лекарства тоже нет.

В этих словах Амос ощутил ее стремление нащупать некий уровень солидарности с ним в болезнях разума, которые в конечном итоге доведут до края обоих.

– В этом отношении мы очень похожи, – согласился он.

– Но еще и *не* похожи, – парировала она тоном, который до сих пор в ход не пускала; во всяком случае, он так это воспринял.

Не зная, что на это ответить, Декер попросту промолчал. Просто сидел, слушая по телефону ее дыхание. И чувствовал, как в воцарившемся безмолвии что-то назревает, как подъемная сила самолета, готового вот-вот оторваться от земли. И уже собрался было нарушить молчание, когда это сделала Мэри.

– Это продолжает меняться? – спросила она приглушенным, сдержанным тоном.

Декер прекрасно понял, что она имела в виду.

– Похоже на то. Но меняется рассудок каждого, Мэри, здоров он или нет. Нет ничего статичного. Нормально это или нет, что бы там ни называлось *нормой*.

– Но ты единственный из всех, кого я знаю, кто по-настоящему... кто, вероятно, может понять, что я испытываю.

В трубке раздался какой-то звук, словно Мэри стучала себя по голове, пытаясь вышибить засевшую там хворость, медленно убивающую ее. Декер пытался отыскать какие-нибудь слова, чтобы снова втянуть ее в разговор.

– Но я думал, ты ходишь на консультации. Мне это помогло. Они могут помочь.

– Я консультировалась. Но потом перестала.

– Но почему? – выдохнул он, чувствуя нарастающую тревогу.

– Мне сказали всё, что мне нужно знать. А дальше это стало пустой тратой времени. А я не могу терять время, Амос, ни единой *гребаной* секунды. – Она позволила грубому эпитету зависнуть в эфире, как дым из оружейного дула после выстрела.

– Мэри, прошу, дай мне понять, что не так. Я же чувствую, что-то случилось.

– Сегодня я забыла Сэнди, – выпалила она резко, как пистолетный выстрел. – Прямо перед тем, как они уехали в Кливленд. Я ее забыла.

– Люди забывают имена то и дело, Мэри, – с некоторым облегчением проговорил Декер, ощутив, что именно к этому и должен был разговор привести в конечном итоге. Но изменил мнение, едва она заговорила вновь:

– Я не забыла ее имя. Я... я забыла, *кто* она.

Последовала очередная затяжная пауза, во время которой слышалось лишь женское дыхание, а после всхлип – сухой и затяжной, как удушье.

– Мэри, а ты...

Но она продолжила, словно не слыша его:

– Я просто вспомнила ее перед тем, как тебе позвонить. И только потому, что смотрела на ее фото с надписанным именем. Я забыла, что у меня есть дочь, Амос. Какое-то время никакой Сэнди Ланкастер для меня не существовало. Ты можешь понять, как... это ужасно?

Он почти чувствовал, как по ее увядшим щекам сбегает слезы.

– Я вплотную подошла к... к небытию. Больше никогда. Забыла собственное дитя. Свою плоть и кровь.

– Тебе не стоит быть одной, Мэри. Я помню, что ты сказала, но не могу поверить, чтобы Эрл...

– Эрл не знает, что я тут одна, – перебила она. – Ему бы это не понравилось. *Обычно* он очень заботится об этом.

Декер встал, оцепенев от подавляемой тревоги. В ее ответе сквозила скрытность и, что куда хуже, равнодушное торжество победителя. Его прошибло липкой испариной.

– Тогда кто же с тобой? Сиделка?

– Была, но я вынудила ее уйти.

– И как именно тебе это удалось? – озадаченным тоном проговорил он. – Она не должна была...

– У меня есть ствол, Амос. Мой старый служебный, автоматический. Я не держала его в руках много лет. Но он ложится в руку как влитой. Я вспомнила комбинацию оружейного сейфа, представляешь! После того как забыла практически все на свете, я вспомнила это. Наверное, то было... своего рода *знамение*, – вскользь добавила она.

Каждый мускул Декера невольно напряжился.

– погоди минуточку, Мэри. Только погоди...

– Я направила пушку на нее. И она смылась, и очень быстро. Прямо перед тем, как я позвонила тебе. Видишь ли, я ее разбудила. Пушкой. Очень бодрит, пробуждает прям-таки миглом, сам знаешь...

Это *разбудило* Декера так, что мало не покажется. Его взгляд отчаянно заметался, пока он пытался придумать что-нибудь, что угодно.

– Слушай, Мэри, сейчас же положи ствол, просто положи. А потом пойди и сядь от него как можно дальше, просто закрой глаза и сделай несколько глубоких вдохов. Я пришлю кого-нибудь через пару минут. Нет, через *минуту*. Всего одна минута, и помощь подоспеет. Я не стану отключаться. Оставайся на линии. Я поставлю тебя на ожидание всего на секундочку...

Она пропустила все это мимо ушей.

– Я забыла мою дочь. Я забыла С-сэнди.

– Да, но потом вспомнила. В этом и суть. Это... Ты должна держать...

Декер схватился за грудь. Дыхание стало неровным, пульс истошно бухал в ушах взрывчатым биением расхлябанных поршней. В боку закололо, словно он пробежал длинную дистанцию, хотя не сделал ни шага. Амос чувствовал дурноту, зыбкость и... беспомощность.

Он лихорадочно соображал. Сиделка наверняка позвонила в полицию. И они наверняка уже в пути.

– А завтра? – бросила Мэри, прервав эти мысли. – Вспомню я ее завтра? Или Эрла? Или тебя? Или... себя? Так какая разница? Можешь ты мне это сказать?

– Мэри, послушай меня...

– Она так плакала, моя маленькая девочка! «Мамочка не знает, кто я...» Повторяла это снова и снова. Такая печальная, такая несчастная... Это *я* ее довела. Мою собственную девочку. Как можно ранить того, кого так любишь?! – В ее голосе зазвучали жесткие, беспощадные нотки без тени милосердия, и кровь в жилах Декера заледенела.

– Слушай меня, Мэри, слушай внимательно, лады? Ты справишься с этим, поняла? Я помогу тебе с этим справиться. Но сперва ты должна положить оружие. Сейчас же.

Декер уперся ладонью о стену, чтобы не упасть. Представил себе пистолет в ее руке. Быть может, она в раздумье смотрит на него... Пол под его ногами казался податливым, шатким, как палуба корабля в бурном море. Амос обшаривал свою память в поиске слов, могущих оттолкнуть ее от пропасти, на краю которой она балансирует; слов, заставляющих ее положить миниатюрный автоматический пистолет, из которого она за свою профессиональную карьеру убила не меньше одного человека, как ему известно. Если б он только мог откопать слова, способные завершить этот эпизод благополучно, когда всё запросто может скатиться в противоположном направлении...

Декер уже открыл было рот, чтобы убедить ее дожждаться помощи. Все доводы у него были уже наготове, и он собирался пустить их в ход. Они заставят ее положить оружие, в этом нет ни малейшего сомнения.

Но тут он услышал то, чего всей душой не желал слышать.

Единственный выстрел, сделанный – как он считал, потому что знал Ланкастер – исключительно тщательно и с экспертной точностью. В качестве точки входа она избрала висок, подбородок или открытый рот. Результат гарантирует любая из них.

А потом раздался гнетущий глухой стук тела Мэри, повалившегося на пол. Несомненно, она мертва. Ланкастер всегда была докой в планировании с прицелом на результат. Подобные люди не промахиваются, убивая себя.

– Мэри? Мэри! – крикнул он в трубку. Ответа не было, и энергия схлынула. «Чего ты орешь? Ее уже нет. И ты это знаешь».

Привалившись к стене, Амос позволил силе тяготения доставить его тело на пол, подобный тому, на котором сейчас лежит труп Ланкастер.

Он жив. Она – нет. Прямо сейчас для него эта разница абсолютно несущественна. Он сидел в комнатухе, озаренной электрической синевой смерти, коснувшейся его, дотянувшейся почти через тысячу миль.

Годы назад Амос Декер был в сантиметре от того, чтобы спустить курок, выстрелив себе в рот и закончив свою жизнь.

Но прямо сейчас часть его так же мертва, как Мэри Ланкастер.

Глава 3

«Пепел к пеплу, прах к праху. И всякая прочая хрень», – подумал Декер.

Этим всегда и кончается. Этим – и глубокой, беспощадной ямой, заполняемой землей. Амос, облаченный в костюм, обычно чувствующий себя комфортно только в джинсах или помятых хаки и свободной фуфайке, взирал в грядущий вечный приют в земле. Скоро его заполнят упрятанные в ящик останки Мэри Ланкастер.

День в Огайо выдался зябкий. С неба сеялась мелкая морось. Совершенно нормальная весенняя погода для этих краев – рудименты зимы, липнущие к запотевшим стеклам, как усыпанная росой паутина. Толпа собралась изрядная: Эрла и Мэри Ланкастер знали и любили многие, а Сэнди завела в школе немало друзей и подруг. Декер окинул взглядом многочисленных бывших сослуживцев из местных сил правопорядка, угрюмо уставившихся в землю.

Алекс Джеймисон была на задании и приехать не могла, но прислала карточку, выразив соболезнования. Росс Богарт поступил точно так же, присовокупив цветы. Они знали Ланкастер не настолько хорошо, но Декер все равно жалел, что их нет рядом. Обычно он чуждался компании, но не сегодня.

Гроб был закрытым. Выстрел, направленный вверх через небо, поставил крест на чудесах косметики гробовщика, а вместе с ними и на возможности выставить Мэри Ланкастер на обозрение.

Декер поглядел на землистое, враз постаревшее лицо Эрла Ланкастера, с потерянным видом сжимавшего руку дочери Сэнди, подростка с задержкой умственного развития. Взгляд девочки стрелял туда-сюда, постигая мир собственным уникальным образом. Вероятно, она воспринимает смерть не так, как остальные, понимал Амос, и это, пожалуй, хорошо – во всяком случае, пока. Но в какой-то момент в будущем она осознает, что матери нет, и будет гадать, когда же она вернется. И Декер не завидовал Эрлу, которому придется растолковывать, что же произошло на самом деле, когда пистолет выстрелил. «Хорошего способа сделать это не существует, как ни подступись, – подумал он, – но сделать это необходимо, потому что Сэнди заслуживает объяснения».

Вдруг заметив Декера, Сэнди вырвала ладошку из руки оторопевшего отца и подбежала к нему. И поглядела на великана снизу вверх с сияющим лицом – единственным проблеском света в море мрака.

– Ты Амос Декер! – радостно провозгласила она.

Так они раньше играли; вернее, *она*. И Декер всякий раз отвечал так же, как собирался и теперь, хотя на этот раз выговаривать слова было нелегко.

– Я знаю. А ты Сэнди Ланкастер.

– Я знаю! – ухмыльнувшись, выпалила она.

Едва она договорила, Декер невольно зажмурился.

«Я и забыла, кто она. Какое-то время никакой Сэнди Ланкастер для меня не существовало».

Более тяжкого греха, чем позабыть о существовании собственной дочери, Мэри Ланкастер, как минимум по собственному мнению, совершить не могла. Декер не сомневался, что именно это положило ее палец на спусковой крючок и дало силы нажать на него.

Ощутив, что его дергают за руку, он открыл глаза и увидел, что маленькие изящные пальчики Сэнди обхватили его длинные и толстые пальцы.

– Амос Декер? – снова произнесла она, внимательно – пожалуй, слишком внимательно – вглядываясь в него. Почему-то он понимал, что она собирается спросить, и это повергло его в панику сверх всякой меры. – Где мамуля? Тут так много людей... Ты ее где-нибудь видишь? Мне надо с ней поговорить.

Декер никогда не лгал Сэнди, ни единого разу. Не мог лгать ей и сейчас, так что промолчал.

– Сэнди! – Подбежавший Эрл взял дочь за руку. – Извини, Амос.

Взмахом ладони показав, что ничего страшного не происходит, Декер отвернулся, чтобы утереть глаза. Потом наклонился и проговорил Эрлу на ухо, чтобы Сэнди не слышала:

– Мне так жаль, Эрл...

– Спасибо тебе. – Тот сжал руку Декера. – Э-э, после службы у нас дома будет небольшое собрание. Надеюсь, ты сможешь прийти. Мэри... хотела бы этого.

Декер кивнул, хотя приходиться не собирался. Эрл, словно увидев это в его глазах, сказал:

– Что ж, рад был тебя повидать.

Бросив взгляд на Сэнди, Амос увидел, что ее взгляд неотрывно прикован к нему. На ее лице словно отпечаталось обвинение в предательстве, но может быть, это было лишь отражение его собственного чувства вины...

– Полиция мне сказала... что она звонила тебе, – негромко проронил Эрл. – Спасибо... что пытался.

– Хотел бы я быть более...

– Знаю.

Декер проводил взглядом отца и дочь, направившихся к машине, предоставленной похоронным бюро. Остальные присутствующие начали разбредаться. Некоторые на ходу одаривали его кивками, взглядами и улыбками. Однако никто не подошел. Уж слишком хорошо его знали.

И тогда Декер остался один, потому что предпочитал одиночество.

Когда могильщики принялись спускать гроб в яму, вырытую в точности под него, Декер повернулся и механически зашагал вдоль могил, пока не дошел до определенного места за определенным деревом. Чтобы найти это место, безупречная память ему не требовалась. Довольно и скорбящего сердца. Это паломничество оказалось для него трудным. Может, другими они и не бывают...

Кассандра Декер. Молли Декер. Мать и дочь. Его жена, его ребенок. Любовь всей его жизни, его плоть и кровь, отнятые у него рукой убийцы. Цветы, которые он положил здесь во время прошлого визита, давным-давно обратились во прах, как и тела, лежащие внизу. Смахнув эти остатки, Амос опустил на колени рядом с парой могил.

Однажды, когда он навещал здесь своих близких, умирающий по имени Мерил Хокинс, выйдя из леса, потребовал от Декера восстановить справедливость по первому делу, которое Амос вел в роли детектива убойного отдела. Приняв вызов, тот сумел доказать, что в молодости был неправ, и Хокинс обрел справедливость, хотя запоздало и посмертно.

А еще Декер выследил убийцу собственной семьи.

В обоих случаях он осуществил правосудие, хотя, несомненно, с холостым результатом, омраченным тем фактом, что справедливость для жертв воцарилась слишком поздно. Никакое правосудие не сможет вернуть мертвых к жизни; утрата практически перечеркивает удовлетворение от постижения истины.

Амос сказал жене и ребенку те слова, которые не мог не сказать, а потом поднялся с холодной земли и поглядел налево, где осталось незанятое место.

«Мое». Он несколько раз едва не занял его, однажды от собственной руки, глядя, как его собственное убитое дитя сидит в собственном доме.

«Откажет ли однажды моя абсолютная память, и забуду ли я, что у меня была дочь?»

Декер был еще на линии, когда полиция прибыла в дом Ланкастер. Он поговорил сперва с патрульным, потом с детективом, с которым был знаком по прежним дням. Они поделились печалью из-за утраты жизни хорошо знакомого человека и неохотным признанием сделанного ею выбора и стоящего за ним мотива.

Он направился к своему прокатному авто. Его рейс в округ Колумбия отправляется завтра утром. Неизвестно, что ждет его там по прилете.

Впрочем, Амос Декер сомневался, что теперь ему есть дело до этого.

Глава 4

Ждавшее Амоса письмо пришло из Чикагского института когнитивных способностей, или ИКС, как называли его Декер и все работники института.

Он ездил туда месяц назад для регулярного обследования, которому его подвергали ежегодно с той самой поры, как Амос был там пациентом после футбольной травмы.

Поставив чемодан за порог квартиры, он толстым пальцем вскрыл конверт.

Письмо растянулось на несколько страниц, удивив его. Обычно они куда лаконичнее. Но обычно им было нечего ему поведать. На сей раз дело обстояло иначе.

Сев, он перечитал письмо дважды, хотя его содержимое и с первого раза отпечаталось в его абсолютной памяти навечно. Затем, медленно изорвав листки в клочья, швырнул их в мусорную корзину.

«Ну... ладно».

Телефон зажужжал. Поглядев на текст, Амос испустил стон.

Ему надлежит явиться в Вашингтонское отделение незамедлительно, согласно приказу его начальника по Бюро. Бросив напоследок взгляд на мусорную корзину с лежащим там уничтоженным письмом, он взял ключи от машины и вышел за дверь.

* * *

– Амос Декер, познакомьтесь со своей новой напарницей, специальным агентом Фредерикой Уайт, – провозгласил Джон Талботт с интонациями ведущего игрового телешоу, представляющего новый приз.

Массивный Декер поглядел со своих высот на чернокожую женщину росточком пять футов и три дюйма¹, а она, задрав голову, устремила взгляд в его заоблачную высь. Даже непонятно, кого из них больше ошарашила эта вестъ.

– Новой напарницей? – переспросил Декер, переводя взгляд на Талботта, принявшего бразды у Росса Богарта. – Я не просил новой напарницы. Алекс...

– Специальный агент Джеймисон не вернется – во всяком случае, в ближайшее время. А агента Уайт мы перевели из Балтимора как раз для работы с вами.

Уайт не сводила с Декера глаз, храня непроницаемое выражение лица. Лет за тридцать, поджарая и жилистая, миниатюрная фигурка, вес около ста пяти фунтов. Волосы цвета карамели, подстриженные до предписанной в ФБР длины, удерживает на месте пара черепаховых заколок.

Декер заметил в ее левой ноздре крохотную дырочку от лабреты, хотя правила ФБР возбраняют ношение подобных украшений при исполнении. Из-под края правой манжеты жакета чуть виднеется зеленоватый след.

Тату.

В полусапожках на молнии с двухдюймовыми каблуками ее макушка не дотягивает до его роста на фут. Чтобы там ни показывали в детективных сериалах, шпильки агенты ФБР не носят. Черный жакет и слаксы, белая блузка, застегнутая под горло. Никакого декольте – кстати, о телесериалах. Тонкие губы, зеленовато-стальные глаза под изящными черными бровями, острый нос с тонкими ноздрями, высокие скулы, торчащий подбородок – эта женщина состоит сплошь из острых углов.

– Вы двое *можете* пожать друг другу руки, – подбодрил их Талботт.

¹ Ок. 160 см.

Они не стали обмениваться рукопожатием. Просто стояли, будто в страхе, что один из них попытается взять верх над другим.

Талботт, дожидаящийся полной пенсии и идущей с ней в комплекте двери на выход, улыбнулся во весь рот и сказал с наигранным весельем:

– Ну, покину вас двоих, чтобы вы могли познакомиться поближе.

И дверь за ним закрылась.

– Просто к сведению: я тоже на это не напрашивалась, – сообщила Уайт.

– Тогда зачем вы здесь?

Выгнув брови дугой, она отмерила ему полновесный взгляд. Отверстие в крыле носа подрагивало от сдерживаемой то ли энергии, то ли ярости.

– Я была не в курсе, что у меня есть выбор, поскольку мои зарплатные чеки выписывает Бюро. Но что буду работать в паре с вами, узнала всего тридцать секунд назад.

– Тогда тут мы едины, – кивнул Декер. – Но я не хочу работать с новым напарником.

– Значит, у вас есть выбор?

– Очевидно, нет.

– Я знаю Алекс Джеймисон. Она хороший агент. Она рассказывала мне о вас.

– Почему? Вы сказали, что до сих пор не знали, что будете работать со мной в паре.

– Слухом земля полнится, Декер. Не думаете же вы, что в Бюро найдется еще кто-то вроде вас.

– Что она вам говорила?

– Это было строго между нами. Кстати, я отзываюсь на имя Фредди и на «ты», если вам интересно.

– А этого достаточно для знакомства? Потому что с меня хватит.

– По мне, так сойдет, но если мы выйдем отсюда сейчас, Талботт просто заставит нас пообедать вместе или типа того, а я сомневаюсь, что вам этого хочется.

Бочком подобравшись к окну, Декер поглядел на пасмурное небо. В голове царил такая же хмарь. Перемены ему претят, а тут они обрушиваются на него со всех сторон... Остается или уйти из Бюро, или стерпеться с новой напарницей по имени Фредерика/Фредди. Какой сценарий хуже? Он и сам не знал.

– Я слыхала о вашей давней напарнице в Огайо. Это настоящая трагедия. Сочувствую, – добавила Уайт. Вроде бы искренне.

Декер не обернулся.

– Она была хорошим копом. Она не заслужила такого ухода.

– А кто-нибудь заслуживает?

– Мне приходит в голову пара-тройка человек.

– Обо мне знать что-нибудь хотите?

Слегка заинтригованный, Амос обернулся.

– А что вы считаете важным?

– Я разведена. Двое детей. С нами живет моя мать, помогает о них заботиться. Выросла в Филли². У меня были трое братьев и одна сестра.

– Были?

– Один брат умер от огнестрельного ранения при перестрелке с другой бандой, а один просидит в тюрьме до старости. Мой старший брат – адвокат, работает в госадвокатуре в Бостоне. У сестры собственный технический бизнес, живет в Пало-Альто в доме, стоящем больше, чем я заработаю за всю жизнь.

– Ты всегда так откровенна перед чужаками?

² Т. е. в Филадельфии.

– Вы мой напарник. Вы должны прикрывать спину мне, а я – вам... Ладно, в завершение моей персональной нарезки: бакалаврат прошла в Говардском университете. Магистра получила в Джорджтауне. В Бюро поступила тринадцать лет назад. За время службы стреляла из личного оружия дважды. Я мелкая, но бью сильнее собственного веса и очень больно кусаюсь. Получила двойной черный пояс по карате не потому, что люблю боевые искусства, а потому, что ненавижу получать по заднице – хоть физически, хоть символически. Терпеть не могу идиотов, лени и врак, а встречаю и того, и другого, и третьего прямо здесь в Бюро куда больше, чем нужно. Предпочитаю всегда четко ориентироваться в своем положении. Будучи цветной, да сверх того еще и женщиной, нахожу это необходимым для будущего благосостояния – и своего, и своей семьи. И ничего более важного для меня нет.

– Сколько лет твоим детям?

– Девять и двенадцать. Дочери и сыну соответственно. Келвин назван в честь моего отца. И Жаклин, которая всем известна как Джеки.

– Опека с бывшим совместная?

– Я еще донашивала Джеки, когда мой бывший решил, что семья и отцовство не по нему. Полная и постоянная опека у меня. Келвин даже не помнит отца, и это чертовски хорошо.

– Живешь до сих пор в Балтиморе?

– Я *работала* в Балтиморе до сегодняшнего утра.

– Планируешь переехать сюда?

– Если смогу себе позволить здесь хоть что-нибудь, в чем я сомневаюсь, если только не захочу ютиться на отшибе. Поживем – увидим. Порой новые назначения не срastaются.

– Ага, порой бывает. – Декер мысленно вознес молитву, чтобы так и было.

– А как на ваш счет?

– А что на мой счет? – не понял он.

– Поделиться нечем?

– Раз ты говорила с Алекс, то знаешь обо мне все, что надо знать.

– Но никто не расскажет этого лучше, чем сам человек.

– Я не скажу ничего хоть отчасти хорошего ни о себе, ни о ком бы то ни было еще.

Уайт приняла выпад, не моргнув глазом, и тут же парировала:

– А знаете, вы мельче, чем я думала.

– Я стена, – Амос поглядел на нее сверху вниз, – да не тебе на нее *опираться*.

– Просто по рассказам Алекс вы представлялись мне девяти футов ростом и восьмисот фунтов весом. По сравнению с этим описанием вы типа дохляк. Поневоле разочаруешься. Но тем не менее мы готовы приступить, *напарник*?

– В данный момент мне вообще-то насрать, – рубанул правду-матку Декер.

– Вы всегда так ладите с людьми, с которыми работаете?

– Ага, поначалу.

– Что ж, давайте побыстрее пробарахтаемся через начало.

Декер окинул ее взглядом.

– Несомненно, ты отличный агент. Против тебя я ничего не имею. Но подобные перемены не для меня. А у меня их в жизни куда больше, чем у большинства.

Он поглядела на его голову.

– Футболист? «Кливленд Браунз»? Ненавижу «Браунз». Я девчонка «Иглз» от макушки до пят. «Балтимор Рэйвенс» тоже ненавижу, а ничего другого сейчас и не вижу.

– Вообще-то я больше не слежу за футболом.

Она снова поглядела на его голову.

– Ага, пожалуй, это я могу понять...

Дверь открылась, и на пороге появился Талботт с мрачным видом. Недавнюю жизнерадостность будто ветром сдуло.

- У вас двоих первое дело. Вы направляетесь во Флориду. Сейчас же.
- Что случилось? – осведомился Декер.
- Федеральный судья и ее телохранитель. Оба мертвы.

Глава 5

– Хвала Господу за матерей, – сказала Уайт, устраиваясь в самолетном кресле рядом с Декером.

– Она заботится о детях, пока ты в разъездах?

– Угу. Иначе я не справилась бы. Присмотр за детьми обходится ужасно дорого, даже когда удастся найти няню. К счастью, она была молодой матерью. До сих пор полна энергии.

– Пятеро детей старят быстро.

– Она еще и завучем школы работала, куда мы все ходили. Папа был копом в Филли. Заработков хватало в обрез.

– Он в отставке?

– Погиб на посту.

– Печально слышать.

– Мать получила от города большую компенсацию.

– Почему это? – заинтересовался Амос.

– Потому что отморозок, застреливший моего отца, тоже был копом, которому не нравился цвет папиной кожи. А потом департамент попытался замять дело и выставить все несчастным случаем. Это было двадцать лет назад, я еще оканчивала школу.

– Цивилизации не всегда прогрессируют. Иногда регрессируют.

– Вот уж не ожидала от вас...

– Почему это? – поинтересовался Амос.

– Честно говоря, не знаю.

Когда реактивный лайнер оторвался от взлетной полосы, Уайт спросила:

– Вы читали присланный мейл о том, что случилось во Флориде?

Декер кивнул.

– И что думаете?

– Я ничего не думаю. Чья-то чужая версия фактов, изложенная в электронном письме, для меня ничего не значит. Мне нужно увидеть все самому.

– Ну, насколько я из него поняла, это кто-то из своих. Во всяком случае, убийца знал те вещи, которых знать не был должен.

– Ты делаешь предположения, которые пока ничем не подкреплены.

– Типа чего? – не поняла она.

– Что был только один убийца. И что он был мужского пола.

– Я просто сказала вообще.

– Конкретика мне куда больше по душе. Так что объясни, почему ты так подумала.

– Лицо или *лица* знали распорядок дня судьи. Нет следов насильственного проникновения. Ее личный охранник был убит, не дав отпора. Это говорит мне, что он не видел в происходящем никакой угрозы. Судья убита, следов борьбы нет. Она не пыталась позвать на помощь.

– Значит, могла знать того, кто ее убил. Охранник тоже.

– Но зачем впускать тех, кто только что перебил твою охрану? – спросила Уайт.

– Она либо не знала, что случилось, либо разыгрывалось нечто еще более заковыристое.

Она в разводе. Бывший живет неподалеку.

– Верно. Значит, экс-муженек – возможный подозреваемый.

– Супруги, особенно бывшие, всегда подозреваемые.

– А то я не знаю, – откликнулась Уайт.

Полтора часа спустя самолет пошел на снижение, и они приземлились в Международном аэропорту Юго-Западной Флориды близ Форт-Майерса. Их уже ждал прокатный автомобиль.

Уайт вела, а Декер сидел, кое-как втиснувшись на пассажирское сиденье четырехдверного седана средних размеров.

– Извините, ничего другого не было, – глянула на него Уайт, встраиваясь в поток движения. – Прокатные авто нынче в дефиците.

– Ни разу не ездил в авто, удобном хоть в малейшей степени, так что ни на что и не претендовал.

– Агент местной резидентуры уже на месте, – сообщила она.

– Знаю.

– Тела тоже еще там. Очевидно, придержали для нас.

– Пытаешься поглумиться? – Декер бросил на нее взгляд.

– Нет, пытаюсь быть информативной.

– Не надо.

– Алекс *говорила*, что вы желчный.

– Ты еще не видела меня даже малость раздраженным, не то что по ту сторону Рубикона.

– Спасибо за информацию. Предпочитаю ориентироваться в своем положении.

– «Будучи цветной, да сверх того еще и женщиной, нахожу это необходимым для будущего благосостояния – и своего, и своей семьи», – процитировал он по памяти.

– Еще Алекс говорила, что порой ваша память достает до печенок, но она с этим пообвыкла.

Поглядев из окна в ослепительные небеса, Декер проронил:

– Никогда не любил Флориду. Когда гонял мяч за Огайский универ, мы навевались играть с Флоридским универом, универом штата Флорида и Майамским. Я ненавидел все их до последней секунды, и не только потому что их игроки были куда быстрее и атлетичнее, чем мы.

– Почему? Слишком жарко или слишком много стариков? Или и то, и другое?

– Нет, потому что я просто тормоз со Среднего Запада.

– В смысле?

– Ненавижу песок.

Глава 6

Они доехали до охраняемого коттеджного поселка в городке Оушн-Вью, расположенном примерно в получасе севернее Нейплса. И всю дорогу их сопровождал грохот прибоя расположенного рядом залива.

– Местечко прямо как с открытки, – заметила Уайт, останавливая машину у сторожевой будки.

– Не там, куда мы едем, – ответил Декер.

Выйдя из лачуги, охранник лет сорока с небольшим зашагал к ним развинченной походкой, которая скорее пристала «морскому котику», чем стражу ворот элитного поселка.

– Могу я вам помочь? – спросил он, когда Уайт опустила стекло.

Она сверкнула документами ФБР.

– Уайт и Декер. По поводу убийства судьи Джулии Камминс.

– Точно, точно, – проворчал тот, окидывая взглядом Декера. Уайт по-прежнему щеголяла в своем черном костюме и белой блузке, но Амос снова влез в брюки-хаки и выцветшую синюю фуфайку.

– Вы, должно быть, с севера, – прокомментировал охранник. – Тут погоды для свитеров почти не случается.

– Вы предоставили список гостей и жителей, входивших сюда в последние двадцать четыре часа? – осведомился Декер.

– Кому бы это?

– Копам, – объяснила Уайт.

– Они не просили.

– Ладно, теперь мы его просим, – сказал Декер.

– Мне надо согласовать с начальством.

– Тогда вперед, звоните, пока мы ждем, потому что эта информация нужна нам сейчас же.

– А разве вам не нужен ордер для подобного?

– Это вы убили судью и телохранителя? – рубанула Уайт.

– Что?! Эй, да ни в жисть! – Тот попятился.

– Тогда нам ордер не нужен. Люди, входящие в эти ворота, на конфиденциальность не рассчитывают. А это расследование убийства. Так что нам нужно знать, кто и когда входил сюда последние двадцать четыре часа как минимум.

– Так что звоните своему начальству, – прибавил Декер. – И принесите сведения к дому судьи. Мы будем ждать.

– Гм... ладно.

– И откройте ворота, – велела Уайт.

– Ах да... – Тот поспешно исполнил требуемое, и они въехали.

– Если здесь такой уровень безопасности, то я удивляюсь, что убитых всего двое, – заметила Уайт.

– Ну, может, их и больше, а мы просто об этом еще не знаем, – отозвался Декер.

Большой дом Камминс в средиземноморском стиле с белой штукатуркой и красной черепичной крышей приютился в тенистом тихом тупике среди высокой ухоженной растительности. Безмятежность картины портили запрудившие участок полицейские машины и автомобили без цветовой разметки, и желтая лента, обозначающая место преступления в переднем дворе, трепеща на свежем ветру.

– Возможно, транспорт покойного охранника, – кивнул Декер на синий седан, припаркованный на подъездной дороге.

– Откуда вы знаете?

– Все остальные автотранспортные средства здесь либо патрульные машины, либо имеют флоридские государственные или федеральные номера.

– Может, это авто судьи Камминс?

– Женщина, которой принадлежит дом, по виду тянувший на два-три миллиона долларов, не станет водить побитую десятилетнюю «Мазду». К тому же она загнала бы ее в один из трех гаражных боксов, а не бросила бы на дороге. И посмотри на наклейку на бампере.

– «Федералы следят за тобой», – зачитала Уайт. – Обычно на тачке *федерального* судьи такого не увидишь.

Припарковавшись у бордюра, они прошли проверку у парадной двери, надели бахилы и виниловые перчатки, услужливо предоставленные одним из сотрудников команды криминалистов, и вошли в дом.

Декера тотчас накрыла обжигающе мощная волна цвета электрик. Синестезия заработала на полную катушку. Говоря по правде, всю его жизнь олицетворяли сверхактивная память и сенсорные магистрали, переплетающиеся как транспортная развязка «цветок клевера».

Он оперся ладонью о стену, чтобы удержаться на ногах, потому что когда накрывает электрик, прости-прощай равновесие.

«Глубоко дышим, вдох – выдох».

Поглядев на него, Уайт не обмолвилась ни словом, отчего Декер тотчас же проникся подозрениями. С этим придется разобраться попозже. Новая напарница действовала ему на нервы уже одним своим молчанием.

В холл вышел невысокий коренастый мужчина лет под пятьдесят, в отглаженных слаксах и темно-синем пиджаке, безупречном галстуке и рубашке, с волосами, будто поглаженными утюгом, с резкими чертами лица и еще более резким его выражением. Выступал, будто какой-нибудь председатель совета директоров, входящий в конференц-зал для совещания. Напыщенный сановный дундук, как раз таких Декер на дух не переносил.

– Специальный агент ФБР Дуг Эндрюс из резидентуры Форт-Майерса, – козырнул он документами.

«Ну конечно, кто ж еще», – подумал Декер.

– А вы? – спросил Эндрюс.

Уайт представила свои документы. Декер же просто направился к двери.

– А это Амос Декер, – сообщила Уайт. – Мы только что прилетели из округа Колумбия. Эндрюс мигом скис.

– Мне не сказали, что пришлют агентов со стороны. Только велели не трогать тела. Причин не объяснили.

– Ну, *мы и есть* причина, – обронила Уайт.

Поглядев на повседневную одежду Декера, Эндрюс изрек:

– Я не видел ваших документов, как там вас, Декер?

Амос оглядел просторный холл, изящно обставленный дорогими предметами мебели, расположенными строго на своих местах. Малярные и обойные работы на заказ. В одном углу мерно тикают старинные напольные часы с маятником. Ковры толстые, красочные и несомненно дорогие. Запахом смерти веет из каждого угла. И отнюдь не в переносном смысле. Мертвые тела разлагаются в непосредственной близости, и этот дурной запах ни с чем не спутаешь.

Декер увидел на стене, ведущей к лестнице, отпечаток окровавленной ладони. На лестничной ковровой дорожке тоже следы крови. Рядом с ними номерные конусы, отмечающие, что криминалисты заняты своим делом. Повсюду видны меловые следы дактилоскопического порошка. Слышались щелчки затворов и бормотание голосов. Все идет как положено. Теперь придется разбираться с этим говнюком, чего Декеру совершенно не хотелось.

– Мы присланы для оказания помощи в расследовании, – не глядя на того, проговорил он.

– У нас тут всё под полным контролем. И я...

Амос мимо него прошел в следующую комнату.

– Эй! – рявкнул Эндрюс, когда тот скрылся за углом, и оглянулся на Уайт. – Какого черта вытворяет этот мужик?

– Он, как и я, делает здесь свою работу. И если наше присутствие для вас проблема, обращайтесь с ней в головную контору. А мы пока займемся своим делом, как и вы.

И она последовала за Декером в следующую комнату.

Эндрюс поспешил за ней.

Глава 7

За время службы в правоохранительных органах Декер насмотрелся мест преступления по самое некуда. И помнил каждую деталь каждого из них. Это выглядело и заурядным, и уникальным в некоторых отношениях.

Здесь у судьи была студия или кабинет. Книжные стеллажи, письменный стол, кожаная кушетка, деревянный картотечный шкаф, стильный компьютер-десктоп и миниатюрный копир. Одно окно с видом на задний двор. Полотна на стене, красивые безделушки, красочный восточный ковер на деревянных половицах. Вроде бы ничего не тронут, никаких признаков лихорадочных поисков чего-либо, грабежа или борьбы. Всё чисто, опрятно, на своих местах.

А потом – на полу – труп. Но не судьи. Мужской. Очевидно, охранник. Частный, а не маршал США, как обычно бывает у федеральных судей. Чуть за тридцать, поджарый, шесть футов, коротко стриженные каштановые волосы, покрывающие скальп, как мягкая шапочка. Одет не в мундир охраны, а в темный костюм индивидуального пошива и белую рубашку – с алым пятном в центре и двумя отверстиями, послужившими причиной кровотечения и смерти. Кто-то не хотел испытывать судьбу.

Из-под пиджака выглядывал краешек его пистолета в кобуре. Присев на корточки, Декер посмотрел на ярлык костюма. «Армани». Поглядел на часы на запястье. «Картье». Туфли «Феррагамо».

«Любопытно...»

Убитый распростерся навзничь, раскинув руки и ноги, устремив невидящий взгляд на небольшую люстру, свисающую с потолка. На лице двухдневная щетина. Даже после смерти черты его сохранили красоту, несмотря на крайнюю бледность. На лице застыло удивленное выражение, если покойник вообще может удерживать подобную эмоцию. И некоторые могут, уж Декеру ли не знать.

Он поглядел на команду криминалистов, занятых своей рутинной. Подошел к одному из них – женщине лет сорока, облаченной в синюю униформу и маску, вводившей какие-то сведения в планшет. Уайт последовала за ним.

– Вы медэксперт? Получили предварительную причину и время смерти?

Удивленно посмотрев на него, она принялась оглядываться, пока не отыскала взглядом стоявшего на пороге Эндрюса. Неохотно кивнув ей, тот подошел и встал рядом с Декером.

– Я в самом деле медэксперт, меня зовут Хелен Джейкобс. Мы видим пару огнестрельных ранений в грудь; похоже, пули пробили сердце. Мгновенная смерть. Время смерти от полуночи до двух часов прошлой ночи.

– Есть следы насильственного проникновения? – подключилась Уайт.

– Никаких, – ответил Эндрюс. – И кто же позвал вас сюда, агент Уайт?

– Руководящий спецгент Джон Талботт из Вашингтонского оперативного отдела. Дайте мне ваш номер, и я сброшу вам его контактную информацию. Я думала, вас проинформировали.

Эндрюс сделал, как было сказано, и Уайт послала ему информацию.

– Что-нибудь забрали? – поинтересовалась она.

– Еще проверяем. В глаза ничего не бросается.

– Имя покойного? – спросила Уайт.

– Алан Дреймонт, – ответила Джейкобс.

– Как мы понимаем, он был частным телохранителем, – произнес Декер. – Откуда?

– Служба защиты «Гамма», – сообщил Эндрюс. – Мы связались с ними и назначили встречу.

– В костюме, а не в форме?

– У «Гаммы» ряд степеней защиты. Они обеспечивают безопасность торговых центров, складов и офисных зданий, а также охрану людей. Для защиты подобного уровня они располагают высококвалифицированными оперативниками.

– Высококвалифицированными? Вроде убитого? – Декер внимательно пригляделся к нему.

– Вроде убитого, – огрызнулся Эндрюс. – Никто не идеален.

– Но зачем телохранитель? – вклинилась Уайт. – Ей кто-нибудь угрожал?

– Уточняем это в «Гамме», – не без досады отозвался Эндрюс.

– А если и так, то почему не федеральный маршал? – не унималась Уайт. – У федеральных судей ведь так принято, верно?

– Опять же, уточняем. – На сей раз Эндрюс не сдержал раздражения. – Но судья могла нанять личного телохранителя, если хотела. Она могла себе это позволить.

– Вы ее знали? – Декер поглядел на него.

– Был знаком. Я живу в Оушн-Вью. Тут такая атмосфера крохотного местечка.

– Стрелял ли Дреймонт из своего оружия? – продолжила расспросы Уайт.

– Оно по-прежнему в кобуре, – ответил Эндрюс.

– А убийца или убийцы могли сунуть его обратно после выстрелов, – заметил Декер.

Эндрюс оцепенел.

– Мы это проверим.

– Есть ли какие-либо следы убийцы? – осведомилась Уайт.

– Большинство найденных нами до сих пор отпечатков принадлежат судье, и несколько Дреймонту, – доложила Джейкобс. – Однако есть и другие, мы их еще не идентифицировали. Никаких следов ног найти не смогли. На ковровой дорожке с коротким ворсом на лестнице никаких отпечатков. Как и на паркете в студии, холле второго этажа и спальне убитой. Тут трудно что-нибудь добыть. Ни дождя, ни чего-то в этом роде, так что никаких отпечатков подошв мы найти не смогли.

– А тело судьи? – спросил Декер. – Как ей удалось одолеть лестницу после ранения?

Озадаченно поглядев на него, Джейкобс высказала догадку:

– Вы видели следы крови на лестничной дорожке, когда входили, и на паркете, ведущие прочь отсюда.

– Поди прозевай, когда там расставлены ваши маленькие конусы... Но на самом деле дело в кровавом отпечатке ладони на стене у лестницы. Полагаю, это ладонь судьи, поскольку два выстрела в грудь означают, что Дреймонт не выбрался бы из этой комнаты своим ходом.

– Я думаю, – сообщила Джейкобс, – один удар ножом ей нанесли здесь, а убийство состоялось на втором этаже в ее спальне.

– Пошли, – бросил Декер. Слова «я думаю» ему не понравились.

Избегая вереницы вещественных доказательств на лестничной дорожке, они поднялись на площадку второго этажа, где Эндрюс повел их в спальню.

– Убийца не наступал в кровь на лестнице? – уточнила Уайт.

– Нет, он проявлял осторожность, – ответила Джейкобс.

Судья Джулия Камминс лежала в своей спальне, одетая в короткий махровый халатик. Распахнутый халат не скрывал ее черные трусики и белый лифчик. Кто-то завязал ей глаза, но потом прорезал в ткани повязки отверстия для глаз. Кровью была перепачкана не только вся одежда, но и покрывало на кровати, ее ладони, ступни и колени.

– Удары наносили снова и снова, – поведала Джейкобс. – По моей неофициальной оценке, десять раз, не считая оборонительных повреждений. Причиной смерти послужила кровопотеря из-за колотых ран.

– Значит, она была внизу, когда на нее напали, убежала сюда, а злоумышленник поднялся и добил ее, – резюмировала Уайт.

– Похоже на то, – осторожно согласилась Джейкобс.

– Так много ударов означают личные мотивы, – отметил Декер.

– Но нам еще пахать и пахать, – встрял Эндрюс. – Место преступления сложное.

Оглядев скомканную постель, Амос зафиксировал тот факт, что матрас сбился с пружинного блока.

Уайт будто прочла его мысли.

– Похоже, схватка разыгралась там.

– Вы упоминали оборонительные повреждения? – переспросил Декер, заметив порезы на предплечьях женщины.

– Да, – подтвердила Джейкобс. – Для человека, на которого нападают с ножом или тупым орудием, вполне естественно пытаться отразить удары руками. Множественные порезы. Однако смертельным, вероятно, стало ранение в нижнюю часть грудины. Судя по расположению и глубине, оно, вероятно, полностью перерезало ей аорту. Наверняка смогу сказать после вскрытия.

– Какие-нибудь следы под ногтями? – спросила Уайт.

– Предварительный осмотр не выявил ничего. При вскрытии проведу более тщательное исследование.

– Кровь на ладонях, коленях и ступнях? – указал Декер.

– Объясняется тем фактом, – вызвался Эндрюс, – что на нее напали внизу, она наступила в собственную кровь, быть может, упала, и кровь попала на колени. Вбежала сюда. Отпечаток на стене у лестницы остался, несомненно, когда она оперлась, чтобы не упасть, – как и брызги на лестничной дорожке.

– Есть какие-нибудь признаки сексуальных посягательств? – спросил Декер, отнюдь не убежденный этой гипотезой, пока образы пятен крови на лестнице и в студии прокручивались перед его мысленным взором.

– Предварительно я осмотрела, – ответила Джейкобс. – Ни малейших признаков. Узнаю больше, когда она будет у меня на столе. Впрочем, не думаю, что ее пытались изнасиловать.

– Мило, что убийцы оставили нам этот небольшой символ... – Амос поглядел на повязку.

– А зачем завязывать ей глаза, а потом прорезать отверстия, чтобы были видны глаза? – выступил вперед Эндрюс.

– Скорее всего, глаза ей завязали уже посмертно, – отметила Джейкобс.

– Это само собой, – отрезал Декер.

– Вы сказали, символ? – переспросила Уайт, разглядывая повязку.

– Дама была судьей, – растолковал Декер. – Правосудие должно быть слепым. Только в ее случае, предполагаю, это было не так – во всяком случае, по мнению убийцы, принявшего все меры, чтобы она видела ясно, насколько это дано покойнику.

Эндрюс невольно втянул воздух сквозь зубы.

– Блин, а ведь это может быть правдой...

– Откуда взялась повязка? – спросил Декер.

– Из гардероба судьи, – сообщила Джейкобс. – Взята из ее комплекта носовых платков.

– А убийца не оставил никаких следов в гардеробе или здесь? Отпечатки ног, остаточные брызги крови после нападения на судью? – задала вопрос Уайт.

– Пока что мы ничего не нашли. Мы еще ведем дактилоскопирование и возьмем отпечатки у родных и друзей – конечно, для отсева.

– Значит, это могло быть сделано сгоряча, – констатировал Декер. – Уж убийство-то определено. И убийца взял платок судьи, вместо того чтобы воспользоваться принесенным, переиначенным в маску заранее. Чем он мог воспользоваться, чтобы прорезать отверстия?

– Мы не нашли никаких пригодных для этого предметов со следами крови.

– Убийца мог или могла воспользоваться для этого ножом, а затем забрать его с собой, – предположила Уайт, заметившая листочек в пакете для улик рядом с покойницей. – Листок нашли здесь?

Джейкобс кивнула.

– На самом деле его положили на тело.

Уайт поглядела на листок в прозрачном пластике.

– «Res ipsa loquitur»³.

И оглянулась на Декера, не спускавшего с нее глаз.

– Здесь есть бумага или ручка, соответствующая записке или чернилам? – осведомился Амос.

– Ручка ширпотребовская, но схожих листов мы тут пока не нашли, – выложил Эндрюс. – Возможно, его принес убийца.

– Отпечатки на записке есть? – спросила Уайт.

– Нет.

– Если убийца принес листок, *это пахнет предумышленностью*, – отметила Уайт.

– Да, – согласился Декер. – Но в сочетании с маской и неистойой поножовщиной получается весьма противоречивое место преступления.

Оглядевшись, он заметил фото на прикроватной тумбочке. На фото была уснувшая с мужчиной и подростком по бокам.

Взяв фото рукой в перчатке, Эндрюс сообщил:

– Конечно, это судья Камминс. И ее бывший муж Барри Дэвидсон, и их сын Тайлер. Судя по фону, снято в клубе.

– В каком клубе? – уточнила Уайт.

– «Харбор-клубе». Прямо вдоль побережья, минут пять. Они были его членами. Ну, судья была.

– А ее бывший и сын? Они члены?

– Мы связались с Барри Дэвидсоном. Он живет по соседству.

– Алиби?

– Он был с сыном. На этой неделе его очередь.

– Значит, сын – его алиби? – уточнил Декер.

– Да. Как я понимаю, мальчик сокрушен.

– Сколько ему?

– Семнадцать.

– Вы знаете ее бывшего и сына? – спросил Декер.

– Я знаком с Барри Дэвидсоном.

– И, очевидно, знаете этот клуб, раз узнали его по фото.

– Да, я тоже состою в «Харбор-клубе».

Амос окинул взглядом дорогостоящий костюм и туфли собеседника.

– Это ваш «Лексус» снаружи?

– Да, а что?

– Ничего. А «Мазда» – колеса Дреймонта?

– Да, – подтвердила Джейкобс, с тревогой глядя то на одного, то на другого.

– Итак, что вы предполагаете о случившемся здесь вчера ночью, агент Эндрюс? – спросил Декер.

Эндрюс бросил взгляд на Уайт и на минутку примолк, собираясь с мыслями.

– Я думаю, все выглядит достаточно ясно. Поскольку насильственного проникновения в дом не было, либо одна из дверей не была заперта, либо неизвестного или неизвестных впу-

³ «Вещь говорит сама за себя» (лат.).

стили в дом добровольно. Тот факт, что судья была в нижнем белье, наводит на мысль, что Дреймонта застрелили первым. Судья, услышав шум из спальни, надела халат, спустилась на первый этаж, где и подверглась нападению. Побежала обратно в свою комнату – вероятно, чтобы запереться. Но не смогла. Там ее и убили. Потом оставили записку и завязали ей глаза.

– Если Дреймонт впустил злоумышленников, значит, должен был их знать. Либо он сам, либо они были знакомы с судьей, – присовокупила Уайт.

– Но если убийства произошли от полуночи до двух часов ночи, для гостей как-то поздно, – заметил Декер.

– А не мог ли Дреймонт участвовать в этом – впустил злоумышленника, а потом передумал? Или убийца не хотел оставлять свидетелей? – высказалась Уайт.

– Это определенно возможно, – согласился Эндрюс.

– Кто сообщил в полицию о трупах? – спросил Декер.

– Позвонила ближайшая соседка, Дорис Клайн. Вышла сегодня на заднюю террасу выпить кофе и полистать планшет, и увидела, что задняя дверь дома Камминс распахнута. Пошла проверить, всё ли в порядке. Было уже после девяти. А судья обычно выезжает в суд еще до того. Клайн подошла к задней двери, прошла в кухню, а затем в студию, где и увидела труп Дреймонта. Бегом вернулась в свой дом и вызвала копов. Они тоже нашли тело судьи и позвонили нам из-за ее федерального статуса. Я уже связался со Службой федеральных маршалов, чтобы их подключить. Я был занят здесь, но планирую следующим делом допросить Клайн.

Рассеянно кивнув, Декер оглядел комнату еще раз, отпечатывая каждую мелочь в облаке своей памяти, как он стал называть ее теперь. Впервые узнав о своей безупречной памяти, Амос назвал ее «жестким диском», но времена меняются, и надо меняться вместе с ними.

Его гипертимезия – изумительный инструмент для детектива, но порой она ошеломляет. Ему сказали, что во всем мире меньше сотни человек, которым поставлен такой же диагноз, и Декер предпочел бы не быть одним из них.

Большинство людей с гипертимезией сфокусированы на воспоминаниях о личных событиях, переживаниях прошлого, по большей части автобиографического свойства. Из-за этого, как узнал Декер, они зачастую склонны застревать в прошлом, потому что беспощадный поток воспоминаний нескончаем. И хотя Амос, несомненно, отчасти не избавлен от этого, его мнемоническое воспроизведение заметно отличается. Практически всё, что он слышит, видит или читает в настоящем, навсегда шифруется в его сознании и может быть извлечено по желанию.

– Время смерти судьи? – обернулся он к Джейкобс.

– Приблизительно тот же диапазон, что и у Дреймонта. От полуночи до двух. Возможно, удастся несколько сузить разброс, но эти временные рамки выглядят достаточно надежными.

– Дайте мне знать об оружии Дреймонта и возможных сексуальных посягательствах. – Он вручил ей свою визитную карточку.

– Ладно.

– Мы велели охраннику на входе составить список людей, входивших в течение последних двадцати четырех часов. – Амос посмотрел на Эндрюса. – Он принесет его сюда.

– Я планировал это сделать, – заявил тот.

– Хорошо, мы работаем на одной длине волны. Пока мы его ждем, давайте сходим поговорим с миссис Клайн. – И Декер вышел из комнаты.

Эндрюс резко обернулся к Уайт:

– Давно вы с Декером напарники?

Та посмотрела на часы:

– О, почти шесть часов.

Глава 8

Когда они постучались, Дорис Клайн впустила их в дом и провела на заднюю веранду, оказавшись дамой лет под шестьдесят с перманентом и излишком косметики на вкус Декера.

«Черт, уж мне ли судить...»

Клайн была одета в белые слаксы и оранжевую блузку с закатанными рукавами, открывавшими тугие загорелые предплечья с бронзовыми веснушками. Слишком костлявая для роста пять футов восемь дюймов, да еще и курильщица – должно быть, потому и тощая. На столике в застекленной веранде с видом на задний двор лежали пачка «Кэмела» и лиловая зажигалка «Зиппо». Дальше виднелись стройные пальмы и компактные кустарники с бассейном перед ними – судя по запаху, наполненным морской водой. За стеклом веранды Декер углядел торную тропу к пляжу и тускло-серую полосу Мексиканского залива еще дальше. Чайки кружили и пикировали с небес, высматривая вещи, которых не видят люди.

Дом оказался меньше, чем у Джулии Камминс, и не таким ухоженным. Внимание Декера привлекла штукатурка, облупившаяся в нескольких местах, и сильно проржавевшие уличные тепловые насосы. Газону и озеленению тоже особого внимания не уделяли. Неизвестно только, результат это безразличия или более тонкого кошелька, чем у судьи.

– Вчера ночью вы были в своем доме одна? – спросил Декер.

Выпустив дым ноздрями, Клайн кивнула и потянулась за бокалом с жидкостью, выглядевшей апельсиновым соком, но Декер учуял запах алкоголя.

– Да. Я в разводе, дети выросли и упорхнули. На люди особо не выхожу, потому что бывший оставил меня с кучей счетов и нехваткой алиментов. К несчастью, его адвокат оказался лучше.

– Можете провести нас через сегодняшнее утро? – спросила Уайт, удивленно распахнувшая глаза – очевидно, оттого, что женщина так вот, походя, выложила личные сведения.

– Вышла сюда часов в девять, увидела, что задняя дверь открыта, и это показалось мне странно. В этот час утра Джулия обычно давным-давно в суде, и вообще этой дверью она даже и не пользовалась. Ходила в гараж прямо из дома.

– Вы хорошо ее знали? – осведомился Декер.

– Мы были соседками и добрыми подругами не один год.

– Не сомневаюсь, случившееся вас огорчило, – вставила Уайт.

Страхнув пепел в хрустальную пепельницу, Клайн поджала губы.

– Я не плакса. Но очень расстроена смертью Джулии. Я любила ее. Очень. Мы были близкими подругами. Плакались в жилетку друг другу... Но за свою жизнь я перевидала тонну дерьма. Лучшая защита – держать его на расстоянии вытянутой руки; во всяком случае, таков мой подход.

– Итак, вы пошли выяснить – и нашли труп мужчины в студии? – подсказал Декер.

– Напугал меня до потери пульса. Я тут же выбежала и вызвала полицию. Они прибыли минуты через три – отделение тут недалеко.

– Вы знали убитого? – поинтересовалась Уайт.

– Я *видела* его у Джулии. Ни разу с ним и словом не перемолвилась.

– А судья говорила вам, зачем ей нужен телохранитель?

– Нет, вообще-то нет. Наверное, всем судьям угрожают и все такое... Черт, да кто избавлен от угроз в наши-то дни? Загляните в соцсети. Я могу запостить что-нибудь о спасении сирот – и на меня накинута, как на педофилку, занимающейся секс-торговлей. Люди в онлайн просто звереют.

– Но говорила ли она на самом деле, что завела телохранителя из-за угроз в ее адрес? – уточнил Декер.

– Нет, вряд ли говорила. Наверное, я просто предположила.

– Вы ничего не слышали и не видели вчера ночью? – спросила Уайт. – Скажем, от полуночи до двух или даже до или после того? Вспышку фар на въезде в соседний дом? Выстрелы? Крики или разговор на повышенных тонах? Шум борьбы?

Покачивая головой, она резко откашлялась.

– По ночам я пользуюсь СиПАП-аппаратом и принимаю амбиен. Я и не могла ничего услышать.

– У вас есть сигнализация? – справился Декер.

– О, само собой! Но обычно я ее не включаю.

– Почему? – любопытствовала Уайт.

– Ну, у нас же ограда и круглосуточная охрана.

– Как и судья, – подчеркнул Амос. – Плюс ее собственный частный телохранитель. Очевидно, этого было недостаточно.

Подрастеряв самоуверенности, Клайн стряхнула пепел в пепельницу.

– Пожалуй, до меня дошло.

– А как соседи с другой стороны от судьи? – поинтересовался Декер.

– Перлманы? Они в Нью-Йорке. Уехали на прошлой неделе и вернутся завтра.

– Они знали Камминс? – вступил Эндрюс.

– Разумеется, все мы дружим. Майя, то есть миссис Перлман, юрист на пенсии, и это роднило их с Джулией. Тревор – ее муж, это его второй брак... Ой, и, по-моему, как раз они рассказали Джулии об этой службе защиты, которой она в конце концов воспользовалась.

– Почему это? – уточнила Уайт.

– Толком не уверена, но, как мне кажется, Перлманы пользовались ее услугами в прошлом. Не знаю почему. Вам надо спросить их самих.

Декер и Уайт переглянулись.

– Вы знаете бывшего мужа судьи и их сына Тайлера? – продолжил расспросы Декер.

– Да. Барри и Тайлер Дэвидсон. Камминс – девичья фамилия Джулии. Она сохранила ее в браке. Это позволило сэкономить на бумажной работе после развода, поскольку ей не пришлось менять фамилию обратно. Они все тут жили до разрыва. Барри и сейчас живет неподалеку. Когда я была замужем, мы выбирались на люди все вместе. После наших разводов мы с Джулией по-прежнему выбирались вместе, а то еще устраивали девичники. Либо готовили, либо брали доставку на дом с белым вином и фильмами «Холлмарк»⁴. Хотя в последнее время она как-то изменилась.

– Как это? – заинтересовалась Уайт.

– В последний год или около того ей захотелось бывать на людях чаще. Ужин, танцы... Зачастила на клубную сцену. Одевалась... ну, как бы это сказать... чуть не по возрасту. Поймите меня правильно, выглядела она шикарно. Она на десяток лет моложе меня. Казалось, ей весело. Так почему бы и нет?

Губы ее задрожали, и в уголках глаз внезапно набежали слезы.

– И у них была совместная опека над Тайлером? – тихонько осведомилась Уайт.

Женщина утерла глаза ладонью.

– Да, неделя через неделю. Но Тайлеру через полтора года в колледж, и тогда все закончилось бы. А раз Джулии больше нет, наверное, кончается сейчас же... – Поставив свой напиток, Клайн раздавила окурок в пепельнице и всхлипнула, прижав ладонь к лицу. – Я... извините, п-по моему, д-до меня только теперь дошло, что она ушла н-насовсем...

Выудив несколько салфеток из лежавшего в кармане пакета, Уайт протянула их через стол. Клайн утерла глаза.

⁴ «Холлмарк» – кинокомпания и телевизионный канал, транслирующийся в США.

– Спасибо. – Взяв себя в руки, она продолжила хриплым голосом: – Джулия была очень славной. Очень заботливой. Когда я развелась, она очень поддержала меня.

– В последнее время она не говорила ни о каких проблемах? Вы не видели в окрестностях чужие автомобили или слоняющихся незнакомцев? – спросил Декер.

Тряхнув головой, Клайн осушила бокал одним глотком.

– Нет, ничего подобного. Опять же, это закрытый поселок под охраной, и та гоняет сброд отсюда... во всяком случае, должна.

– Вы в самом деле ни разу не говорили о телохранителе? Как-то это странно между близкими подругами.

Закурив очередной «Кэмел», Клайн выпустила новое облако дыма.

– Слушайте, пару раз я пыталась спросить ее об этом, но она отмахивалась. Я отнеслась к этому с уважением и не стала докапываться. Решила, что это просто дерьмо, с которым приходится мириться на ее посту.

– Для полной ясности: она фактически сказала вам об охраннике, но не сказала, зачем он нужен? – уточнил Декер.

– Именно так.

– А когда вы в последний раз видели Барри или Тайлера? – полюбопытствовал Эндрюс.

– Тайлер был здесь на прошлой неделе, когда был у мамы. Барри я видела недели три назад – он за чем-то заходил. Может, забрать Тайлера.

– А как Тайлер обычно добирается сюда от отца? – спросила Уайт. – Родители возят его туда-сюда?

– У него собственная машина, кабриолет «БМВ», и пропуск на территорию, так что обычно он ездит сам. Но время от времени его привозит отец, или Джулия подбрасывает его до кондо Барри. Пару раз я видела, как его подкидывал «Убер». А еще у него есть вэлик. Тут недалеко, пара миль.

– Итак, именно тогда вы видели Барри в последний раз? Недели три назад? – переспросил Амос.

– Нет, если вдуматься, я видела его в клубе... О, с неделю назад.

– В «Харбор-клубе»? – уточнил Декер.

– Нет, у нас тут есть свой клуб и площадка для гольфа. Очень сложная. Вы играете?

– Нет. Зачем он туда заходил?

– Ну, он играл в гольф, девять лунок, а потом пообедал. Я с ним поздоровалась.

– Значит, он до сих пор член клуба? – вставила Уайт.

– О да. Он сохранил все это даже после развода. Правду сказать, это могло входить в условия развода, насколько я понимаю.

– А на какие средства он живет?

– Распоряжается собственной компанией. Инвестиции и всё такое. Зарабатывает совсем не плохо. А дом у Джулии красивый. Бассейн и большая веранда. У меня они тоже есть, в уменьшенном масштабе, но вообще-то у меня больше нет средств поддерживать их, – с горечью вымолвила она. – Рано или поздно мне придется ужаться.

– В браке главным кормильцем был он? – спросила Уайт.

– Я бы не сказала. Прежде чем стать судьей, Джулия была влиятельным адвокатом, гребла деньги лопатой. А еще она родом из серьезной нью-йоркской денежной династии. Трастовые фонды и все такое. Ее отец был воротилой с Уолл-стрит. Она унаследовала от него миллионы. Была единственным ребенком. Ей еще и пятидесяти не исполнилось, и вот она мертва... – Клайн тряхнула головой со страдальческим выражением на лице.

– Вам известно, кто бенефициар ее состояния? – осведомился Эндрюс.

Женщина снова собралась с мыслями.

– Я бы сказала, Тайлер, но наверняка не знаю. Он ее единственный ребенок. Не могу поверить, чтобы она оставила Барри хоть грош. Для полной уверенности вам надо справиться у ее адвоката.

– Вам известно, кто он? – ухватила за ее слова Уайт.

– Дункан Троттер. Я знаю, потому что он ведет и мои дела. По сути, Джулия его мне и порекомендовала. Его контора на Пеликан-Уэй, в стороне от центральной улицы в городе. Он сможет все вам рассказать. – Она выпрямилась. – Что-нибудь еще?

Уайт обменялась взглядом с Эндрюсом, и тот покачал головой. Потом посмотрела на Амоса, глазевшего на небо сквозь застекленную крышу.

– Декер, у вас есть еще что-нибудь к госпоже Клайн?

– Почему развод? – бухнул тот.

– Мой?

– Нет, Джулии и Барри.

– А почему люди разводятся? – Клайн пожала плечами.

– Об этом я и спрашиваю.

– Были проблемы, как и в любом браке. Барри может поведать вам больше, но только со своей точки зрения.

– А как насчет *вашей* точки зрения? Вы сказали, что были хорошими подругами. Когда были женаты, все вы социализировались как женатые пары. Вы делились очень личными сведениями. У вас должно иметься мнение, – произнес Декер.

– А вам-то какая разница?

– Не хочется так в лоб, но большинство убитых жен убиты своими мужьями. То же самое справедливо для бывших жен и бывших мужей.

Клайн надула губы с недвусмысленным выражением, что вдаваться в это не хотела бы.

– Джулия была прямее некуда, а Барри, ну, мухлевал.

– Как?

– Да просто не очень любил придерживаться правил.

– Можете привести пример? – подтолкнула Уайт.

– Лет пять назад у них был аудит. Как выяснилось, Барри попался на горячем, и им пришлось уплатить солидный штраф, а Барри чуть не угодил в тюрьму. Джулия только-только вошла в должность. А случись такое прежде?.. Ее вряд ли одобрили бы. На развод она подала вскоре после того.

– Расстроилась? – поинтересовалась Уайт.

– Скорее взбесилась донельзя. По-моему, это подстегнуло кончину и без того проблемного брака.

– Почему и без того проблемного? – подхватила Уайт.

– Барри так и не повзрослел. Ему хотелось оставаться студентом из братства до скончания веков. Дурачества, выпивка и просто развлекаловка.

– Он ей изменял? – не унималась Уайт.

– Насколько я знаю, нет. На самом деле я верю, что он любил ее, и только ее.

– Ладно, что-нибудь еще, Декер? – не утерпел Эндрюс.

Амос снова поднял глаза к небу. Не дождавшись от него ответа, Уайт убрала блокнот и встала.

– Что ж, спасибо за потраченное время. Вероятно, у нас возникнут дополнительные вопросы.

– Я лишь хочу, чтобы вы поймали того, кто это сделал.

– Мы тоже этого хотим.

Встав, Эндрюс посмотрел на Амоса сверху вниз.

– Вы готовы, Декер? Мы выдвигаемся.

Тот опустил взгляд на Клайн:

– Кто сказал вам, что судья мертва?

– Что? – изумилась Клайн.

– Вы видели в студии тело Дреймонта, но тела судьи наверху не видели?

– Это верно.

– Полиция пришла сюда и сообщила вам?

– Нет. Просто предположила. В смысле, будь Джулия жива, она пришла бы сюда. Я уви-
дела ее во дворе. Она бы сама позвонила в полицию вчера ночью.

– Значит, вы предположили, что она была дома вчера ночью?

– Да, я решила, что охранник там именно поэтому.

– Ладно, – кивнул Декер и встал.

– Я не уверена, что мне по душе то, что подразумевают ваши вопросы, – раздраженно
бросила Клайн.

– Ничего страшного. Так бывает со всеми.

Глава 9

Когда они вернулись в дом Камминс, привратник уже дожидался их, держа какие-то распечатки.

– Получите, всё за последние двадцать четыре часа.

Эндрюс потянулся к распечаткам, но более длинная рука Декера взяла их первой.

– Спасибо. Можете подбить для нас вкратце? С толикой местного колорита?

– Ну, – сказал охранник, – само собой, масса народу, что тут живут, мотаются то туда, то сюда. Они записываются не обязаны.

– Но я видел на некоторых машинах электронные метки с названием этого жилищного комплекса. Так что должна быть *запись* въезда и выезда домовладельцев, правильно?

– Они в той стопке, что я вам только что отдал.

– Спасибо. А вкратце?

– Ой, ну за этот период времени было порядком больше сотни машин гостей.

– Это много, мало или в самый раз? – поинтересовался Декер.

– Малость многовато, но это из-за турнира по гольфу.

– Он состоялся вчера?

– Да.

– А какие документы нужны гостям, чтобы проехать в ворота?

– Они должны быть в списке гостей, или должен позвонить домовладелец, или им нужен временный пропуск. Обычно этим способом въезжают подрядчики, хотя некоторые, которые бывают реально часто, имеют постоянные пропуска.

– В каком виде представлены постоянные пропуска?

– В каком виде? Не понял.

– У них электронные полоски на ветровых стеклах, от которых срабатывают ворота, как у домовладельцев, бумажные на торпедо или что?

– Ну, вообще-то может быть или-или.

– Значит, бумажные не будут регистрировать, кто на самом деле приехал или уехал?

– Нет. В смысле, мы не ведем список, просто проверяем, действителен ли еще бумажный пропуск. И подсчитываем проезжающие автомобили. И подрядчики должны покинуть территорию до шести вечера.

– А что, если въезжает легковушка или грузовик, набитый народом? Вы считаете по головам, чтобы проверить, сколько человек въезжают по бумажным или электронным пропускам? – не унимался Декер.

– Что? – совсем растерялся охранник.

– Он имеет в виду, – растолковала Уайт, – что если в ворота в одном автотранспортном средстве въезжают пять человек, вы убедитесь, что те же пять человек покинут территорию на том же автотранспортном средстве?

– Э-э...

– Значит, ответ «нет», – подытожил Декер, разглядывая бумаги у себя в руке, будто они из навоза.

– Точно.

– А гости, прибывающие после срока?

– Они должны позвонить в службу безопасности за пределами комплекса, которая проверит, есть ли они в списке.

– А люди, приехавшие на велосипеде или входящие пешком?

– Ну, обычно это домовладельцы или их гости.

– Значит, вы проверяете только автотранспортные средства?

– Ну, ага.

– А камеры видеонаблюдения тут есть?

– Э-э, ага, но камеры то и дело ломаются. Солёный воздух, наверное... На самом деле здесь безопасно.

– Нет, больше нет, – вздохнул Декер. – Вы видели кого-нибудь, выглядевшего подозрительно, или расспрашивавшего о судье, или нервничавшего, или казавшегося тут не в своей тарелке?

– Нет, но вам надо справиться и у удаленной службы.

– Справимся, – заверил Эндрюс. – Спасибо.

Мужчина забрался в свою белую «Хонду» с набитой на борту надписью «Служба безопасности» и укатил.

– Ситуация с безопасностью здесь не настолько хороша, как, вероятно, думают жители, – отметила Уайт.

– Что типично для закрытых поселков подобного рода, – отозвался Эндрюс. – Сверхбогатые имеют совершенно другие комплексы продвинутой защиты.

– Тем хуже для *всего лишь* богатых, – сказал Декер. – Поедем, поговорим с бывшим и парнишкой.

– Они ждут нас в своем кондо.

– Клайн сказала, что это милях в двух отсюда, – сообщил Амос.

– Это верно, – подтвердил Эндрюс.

– И, надо думать, у бывшего на машине есть пропускная метка, – высказалась Уайт.

– Если да и если он приезжал сюда вчера ночью, это должно быть отмечено в этих записях, – заметил Эндрюс. – Которыми, полагаю, должен распоряжаться я.

Декер поглядел на Уайт, прежде чем передать стопку листов Эндрюсу.

– Да на здоровье.

– Вы можете поехать со мной, – сообщил Эндрюс. – Я могу подбросить вас сюда после беседы. Где вы остановились? – Он направился к своему «Лексусу».

– «Даблтри», – ответила Уайт. – Но мы еще не въехали.

– Это не так уж далеко. Там отличный ресторан.

– Насколько хорошо вы знаете Барри Дэвидсона? – поинтересовался Декер.

– Слушайте, если вы пытаетесь отстранить меня от этого дела из-за какого-то надуманного конфликта... – огрызнулся Эндрюс.

– Единственное, что я пытаюсь сделать, – перебил его Амос, – это распутать наше дело. Располагаете ли вы какими-либо полезными сведениями?

Эндрюс бросил взгляд на Уайт, и та заявила:

– Мы не соревнуемся, агент Эндрюс. Если б мы поменялись местами, мне это тоже пришлось бы против шерсти. Но мы исполняем приказы, точь-в-точь как вы. Так что давайте просто попытаемся поладить и прижать к ногтю ушлепка, который это сделал.

Эндрюс стрельнул глазами в Декера.

– Как она и сказала, – произнес тот.

– Я знаю его не так уж хорошо. Мы вместе играли в гольф ровно один раз, и это было на турнире, где нас поставили в паре. За эти годы мы с ним болтали от случая к случаю, и только.

– Репутация у него в своей сфере деятельности хорошая?

– Обратного я ни разу не слыхал. На самом деле некоторые из моих друзей его клиенты. Вроде бы очень довольны.

– И вы не знали о налоговой заморочке пять лет назад?

– Да ходили такие слухи... – Эндрюс неуютно поежился. – Но я касательства не имел.

– А парнишка?

– Учится в старших классах, уже всерьез заинтересовал колледжи как футболист. Я видел, как он играет. И вправду хорош.

– Неприятности какие-нибудь бывали?

– Насколько я знаю, он прямой, как стрела. Я вожу дружбу с несколькими местными копами; они ни разу не упоминали, чтобы он был в чем-то замешан. По-моему, Тайлер знает, что ему светят слава и успех, и не хочет облажаться. Круглый отличник.

– Похоже, вы немало о нем знаете, – заметила Уайт.

– Он типа местный спортивный герой. Занимает твердую позицию в национальном рейтинге. И в десятом классе завоевал титул штата по борьбе в тяжелом весе. Сейчас сосредоточился на футболе.

– Послушать, так настоящий жеребец, – заметил Амос.

– Декер играл в университете штата Огайо, – пояснила Уайт, – а потом за «Кливленд Браунс». Но я не стала бы ставить это ему в вину.

Эндрюс поглядел на исполина Декера снизу вверх.

– Это правда? «Кливленд Браунс»? А потом пошли в копы? Странный карьерный кульбит...

– И с каждой минутой всё страннее. – Декер поглядел на Уайт.

Глава 10

Во время поездки за окном разворачивались живописные пейзажи, широкие пляжи, птицы, кружащие в небе, кондоминиумы в высотках и особняки с выходом к океану, затаившиеся за крепкими воротами и высокими стенами. И всю дорогу Декер игнорировал эти красоты, глядя в заднее стекло невидящим взглядом, а перед ним прокручивались образы, запечатленные у него в голове.

Его жена мертва, его дочь мертва, давным-давно в могиле. Буквально только что Мэри Ланкастер в отчаянии ушла от собственной руки. А очень даже живые Алекс Джеймисон, Мелвин Марс и Росс Богарт зажили дальше собственными жизнями.

«И вот я здесь с новой напарницей и... этим. Еще два убийства, головоломка, всегда приходящая с ними, допросы, расспросы, враки в ответ, еще вопросы и противостояния, и просто откровенная собачья чушь, которую несут и невиновные, и виноватые. А потом приходит решение, а я перехожу к следующей догадке».

От Флориды до Северной Дакоты со всеми остановками.

Обернувшись, Амос увидел, что Уайт смотрит на него с переднего пассажирского сиденья. Эта женщина видела срез жизни, узреть который Декеру было не дано. Несомненно, это закалило ее, научив биться в защите свирепо, но хитро и скрытно, с осознанием, что вынуждена играть по правилам, заведомо ставящим ее в невыгодное положение до такой степени, что это должно колоть глаза каждому, но почему-то не тревожит никого.

– Я не уверена, что у меня в банке хватит средств, чтобы предложить наличные за ваши мысли. – Она улыбнулась.

Декер отвел глаза, продолжая мысленным взглядом видеть, как Мэри Ланкастер поднимает дрожащую руку с пистолетом ко рту, вставляет ствол, закрывает глаза, и ее жизнь обрывается самым трагическим из возможных способов.

Потом вместо лица Ланкастер Амос увидел собственное лицо. Он смотрел на унитаз, на котором сидела его дочь. Отец и дочь в каком-то футе друг от друга. Один смотрел беспомощно, раздавленный свыше всяких мыслимых человеческих пределов, а вторая смотрела на него, но не видела, потому что мертвые не видят ничего. Он достал свой табельный пистолет и вложил в рот. Ствол «Глока» отдавал металлической горечью, ружейное масло сочилось на язык. Амос посмотрел на Молли и закрыл глаза. Палец скользнул на спусковой крючок, и потребовалась бы всего пара фут-фунтов⁵ силы, чтобы воссоединить его в смерти с дочерью и женой. Такое простое движение, проделанное тысячи раз в тире и несколько раз при исполнении служебных обязанностей в оперативных условиях...

И все же, в отличие от Мэри Ланкастер, он опустил оружие и дождался копов.

«Не проявил ли я чрезмерную трусость? Может, мне не хватило отваги, которой у Мэри было с лихвой? А ведь она оставила по себе дочь и мужа... Вариант, которого у меня не было и который я вряд ли избрал бы...»

– Декер!

Вырванный из своих мыслей, Амос увидел встревоженный взгляд Уайт, подействовавший ему на нервы.

– Долго еще? – грубо спросил он у Эндрюса.

– Уже подъезжаем к посту охраны на въезде.

– А тут кто-нибудь вообще живет без ограда и охраны? – спросил Декер. – Неужто здесь настолько опасно?

⁵ Т. е. ок. 3 джоулей.

Эндрюс посмотрел на его отражение в зеркале заднего вида, словно хотел проверить, не шутит ли Декер, и сказал:

– В моем районе ограды и охраны нет. Наверное, маловато зарабатываю.

– Кто-нибудь уже беседовал с Дэвидсонами? – поинтересовалась Уайт.

– Местные копы. Просто, чтобы проинформировать о смерти Камминс. Остальное оставили нам.

– Необходимо установить алиби, – заявила Уайт. – Как насчет ордера на обыск кондо бывшего?

– Труп женщины нашли только сегодня утром, – отозвался Эндрюс. – Давайте двигаться шаг за шагом. И у нас нет основания для ордера на обыск.

– Пока, – поправил его Декер.

Пройдя пост охраны, они на лифте поднялись на четвертый этаж здания кондоминиума с шикарным видом на залив с задней стороны. Двери лифта распахнулись в небольшой вестибюль с одной большой деревянной дверью. Эндрюс постучался, и через несколько секунд послышались приближающиеся шаги.

Подросток оказался крупным, габаритами примерно шесть футов три дюйма и весом фунтов двести сорок. Одет в темно-синие компрессионные тренировочные шорты, белую майку и босиком. Оглядев его телосложение, Декер мысленно отметил бугрящиеся квадрицепсы и толстые икры, широкие плечи и длинные, тонкие мускулистые руки. Пожалуй, тело у парнишки уже студенческое. Если дополнить его достаточной прытью и солидной долей быстросокращающихся волокон в мышечной массе, получится неплохой раннинбек в колледже. НФЛ – дело совсем другое. Там воронка не шире угольного ушка.

– Тайлер? – спросил Эндрюс, показав юноше бляху и удостоверение. Представил Декера и Уайт. – Как мы понимаем, твой отец здесь?

– Он пьян, – пробормотал Тайлер. Декеру показалось, что он находится в неадекватном состоянии, хотя зрачки у него выглядели нормально. – В хлам. – Тряхнул головой со страдальческим видом и покрасневшими от слез глазами. – А мама правда?..

– Да, Тайлер, боюсь, это правда, – подтвердил Эндрюс.

– Убью на хер того, кто это сделал... – Парень сжал ладони в бугристые кулаки.

– Нет, Тайлер, – положил Эндрюс ладонь ему на плечо. – Разобраться с ними – наше дело, и мы с ним справимся. Мы найдем тех, кто это сделал, и воли им больше не видать. Обещаю. А теперь нам очень надо поговорить с твоим папой.

– И с тобой, – добавил Декер.

Эндрюс насупился, но кивнул.

– И с тобой тоже. Но отведи нас к своему отцу, пожалуйста.

Повернувшись, Тайлер повел их по коридору. Они миновали дорожку с виду электровелосипед, прислоненный к стене и подключенный к зарядному устройству.

– Славный агрегат, – заметил Декер.

– Папа завел для меня. Флорида довольно плоская, но когда гонишь двадцать четыре мили в темпе вальса на собственной тяге, мотор порой бывает кстати.

По пути Декер оглядывал минималистичную меблировку и декор, массу блестящего металла и стекла, с побеленными стенами, чтобы в полной мере использовать преимущества яркого флоридского освещения. Из задних окон открывался потрясающий вид на залив, где корабли, казавшиеся не больше детских игрушек, медленно одолевали водный простор или покачивались на волнах, стоя на якоре.

Толчком распахнув дверь, Тайлер жестом пригласил их внутрь.

В кожаном кресле-релакс сидел, очевидно, Барри Дэвидсон, облаченный в джинсы, белую рубашку поло, без обуви и носков, вялой рукой охватив покоящийся на своем плоском животе

стакан с какой-то темной жидкостью. Глаза закрыты, даже не поймешь, бодрствует ли он вообще. Да и жив ли.

– Мистер Дэвидсон! – окликнул Эндрюс. – Нам надо поговорить.

Тот никак не отреагировал.

– Папа! – крикнул Тайлер, положив массивную ладонь на плечо отца, и яростно затряс его.

Стакан опрокинулся набок, пролив содержимое на рубашку и джинсы. Глаза распахнулись, спинка кресла поехала вперед, и Барри Дэвидсон свалился бы на пол, если б Декер вовремя не подхватил его.

– Что? Кто? – промямлил Дэвидсон, тряся головой и часто-часто моргая.

– Это копы, пап. ФБР. Им надо поговорить с тобой!

Тайлер покачал головой с выражением отвращения на лице, поднял опустевший стакан и поставил на столик.

Оглядев комнату, Декер отметил, что она обустроена под домашний офис с деревянными картотечными шкафами, стеллажами, настольным принтером-копиром, франкировальной машиной и прочим офисным оборудованием и канцтоварами. На большом столе со стеклянной столешницей установлен большой компьютерный монитор с закрепленной на нем цифровой веб-камерой. Наверное, этот мужик проводит отсюда множество телеконференций по «Зуму». Распахнутое французское окно ведет на крытый балкон.

Дэвидсон потер глаза, дал себе пару пощечин и поглядел на Эндрюса.

– Я ва-вас знаю, т-точно?

– Дуг Эндрюс. Мы однажды вместе играли в «Харбор-клубе».

Не до конца очухавшийся Дэвидсон нацелил на него трясущийся палец.

– Точно, точно, нипочем не забуду, как играл этот мужик... Вы можете пробить на милю, но патт у вас дерьмо. Хватка напрочь кривая и чересчур сильный замах.

– Даже не помышлял бросать основную работу. – Эндрюс смущенно улыбнулся Уайт.

– Мы здесь, чтобы поговорить с вами о смерти вашей бывшей жены, – выступил вперед Декер.

Дэвидсон кивнул, мотнув головой, как будто его тошнит. Уайт попятилась на шаг, чтобы не оказаться на пути в случае чего.

– Точно, т-точно, – пролепетал он. – Она... мертва.

– Какой-то утырок *убил* ее, папа! – взвился Тайлер. – Кончай распускать нюни, а?

– Ладно тебе, Тайлер, – Эндрюс поднял ладонь, – на твоего папу многое обрушилось...

– Это на *меня* многое обрушилось. А большинство всего этого обрушилось на маму. Но не я же тут в хлам. – Он снова бросил на отца взгляд, преисполненный отвращения.

– Команда криминалистов подъедет чуть позже снять ваши отпечатки, – сообщил Эндрюс.

– Зачем? – не понял Тайлер.

– Для отсева. Твои отпечатки будут по всему дому, Тайлер, потому что ты жил там каждую вторую неделю. Но нам нужно идентифицировать твои отпечатки и твоего отца, чтобы мы могли сосредоточить внимание на чужих, которые могут там обнаружиться.

– Я... я не был в-в ее доме пару недель, – выложил Дэвидсон, закатывая глаза. – Когда приезжал забрать Тайлера.

– Нам всё равно нужны ваши отпечатки, – настаивал Эндрюс.

– Дж-жулия м-мертва... – Дэвидсон начал всхлипывать.

Декер положил руку ему на плечо.

– Мистер Дэвидсон, почему бы вам не принять душ по-быстрому и переодеться в чистое? Мы приготовим вам кофе и вольем в вас толику воды, чтобы гидратация выгнала алкоголь и

мы могли потолковать, ладно? Это чрезвычайно важно. Первые сорок восемь часов наиболее критичны для всех расследований убийств.

Он помог Дэвидсону встать и посмотрел на Тайлера, глазевшего в окно, сплетя руки на порывисто вздымающейся груди.

– Помогите отвести его в ванную. – Декер перевел взгляд на Эндрюса.

– Принесите мне его вещи, – подал голос Тайлер. – Суну в стиралку, чтобы избавиться от вони бухла.

Декер и Эндрюс помогли Дэвидсону доковылять до ванной, включили душ и достали полотенца и туалетные принадлежности. Потом раздели его и поставили под душ, после чего Амос оставил его там с Эндрюсом, отдал грязные вещи Тайлеру и последовал за ним до прачечной, где парень забросил вещи в стиральную машину.

– Вот уж не знал, что придется прибираться за папой, – угрюмо проговорил Тайлер. – Свои-то вещи я и раньше стирал... Рано утром мы с парнями бегаем, и я прибегаю мокрый насквозь, сильно потею.

– Ага, я тоже. Но у нас куда больше кожи, чем у большинства.

– Пожалуй.

Включив машину, Тайлер прислонился к стене и вдруг начал всхлипывать.

Дав ему немного выплакаться, Декер спросил:

– Может, тебе принести чего-нибудь?

– Н-нет. – Тайлер утер лицо, взял себя в руки и вдруг окинул взглядом крупную фигуру Декера. – У вас видок, будто вы гоняли мяч.

– Огайский универ. И НФЛ, очень непродолжительно. Был на подхвате в «Браунс».

– *Как раз* университет штата Огайо уже предложил мне стипендию. И еще три предложения.

– Отличный вуз. Отличная программа. Кто еще?

– Алабама, Джорджия и Стэнфорд.

– Лучшие из лучших. Хочешь играть в НФЛ?

– Не тяну по уровню, – Тайлер покачал головой, – и никогда не потяну.

– Большинство молодых людей твоего возраста не способны к столь объективной самооценке. Обычно считают, что достаточно хороши.

– Я делаю объективные оценки всю жизнь. Хочу податься в бизнес. Кремниевая долина. Вот где творится масса крутых вещей.

– Ну, все эти вузы замечательные, но тебе самое место в Стэнфорде. И в нападениях они играют как профи. Так что в роли тайт-энда будешь получать массу пасов в свою сторону.

– Откуда вы знаете, что я играю тайт-эндом? – Тайлер заинтригованно взглянул на него.

– Телосложение, рост, руки у тебя сплошь в мозолях и ссадинах, особенно ладони и кончики пальцев.

– Я мог бы быть квотербеком.

– Квотербеки бросают мяч, а не ловят. А настолько задубеть кожа может только от частых высокоскоростных столкновений со свиной шкурой дыни.

– Ну, тогда ресивером.

– Ты слишком накачанный для дальнего. Они ребята стройные, с ураганом в бутсах. А тренер старших классов ни за что не стал бы попусту растрачивать дарования парня твоих габаритов на этой позиции. С такой тушей ты можешь занять любую вакансию в линии. А на беговых прорывах тебя можно использовать как дополнительного лайнмена.

– Ага, примерно это я и делаю. А вы на какой позиции играли в колледже?

– АЛБ, – сообщил Декер, имея в виду аутсайд-лайнбекера.

– *Великоваты* вы для этого.

– С тех пор я поднабрал веса, и притом мне хватало прыти. Меня пробовали в линии защиты, но даже тогда эти пацаны сплошь тянули не меньше трехсот двадцати. А я был недостаточно атлетичен, чтобы удержаться со своими двумястами шестьдесятю против лайнов нападения, а перед тэклами был как пятиклашка. УШО⁶ играет в большой лиге, а НФЛ – другая планета. В «Браунс» я выходил на поле по большей части в спецкомандах. Стартовый состав мне даже не светил.

– Парни, против которых мы играем в школе, рвут четыре-три, как бумагу.

– Что ж, не хотелось бы прерывать профессиональный разговор, парни, но... – встряла в разговор Уайт.

Обернувшись, они увидели ее стоящей всего в паре футов от них. Поглядев на нее, Декер спросил у Тайлера:

– Хочешь поговорить здесь или где-нибудь еще?

– Может, на пляже?

Уайт воззрилась на Амоса, построив брови домиком.

– Имеется в виду весь этот *песок*?

– Отлично, – подвел итог Декер. – Почему бы вам не обождать здесь, агент Уайт? И сообщить им, куда мы пошли.

Уайт хотела было запротестовать, но глянула на Тайлера и медленно кивнула.

– Само собой, я могу дать вам, *футболистам*, побыть наедине.

Двое великанов вышли, а Уайт оставалось лишь сесть в кресло и ждать, поджав губы и сверля взглядом удаляющуюся широкую спину Декера.

⁶ Университет штата Огайо.

Глава 11

– Я... э-э, я сожалею насчет твоей матери, – сказал Декер, когда они добрались до песка и направились на юг. Амос разулся, снял носки и закатал брюки. Тайлер сбросил свои вьетнамки и понес их в руках. Декер при социальных контактах подобного рода всегда чувствовал себя неловко. В молодости, до травмы мозга, он мог быть чутким, участливым и даже говорливым. Теперь же, пройдя через околосмертные переживания, растерял все это напрочь.

– Мне все кажется, что я вот-вот проснусь и увижу, как она мне машет...

– Это я могу понять. Итак, когда же ты на самом деле видел свою мать в последний раз?

– На прошлой неделе я жил у нее, на этой неделе у папы.

– Трудно мотаться туда-сюда?

– Было поначалу, но потом вошел в колею. Ну, с мамой. Папа и колея – вещи почти несовместимые.

– Значит, в последний раз ты видел ее неделю назад?

– Нет, три дня назад обедал с ней в гольф-клубе. Там, где она живет.

– А разве она тогда не была в суде?

– Сказала, что после обеда свободна.

– Она выглядела нормально, не тревожилась?

– Не-а, в полном порядке.

– Ты хоть раз встречался с ее личным телохранителем?

– Нет. Когда я был с ней на прошлой неделе, телохранителей поблизости не было.

Эта реплика застала Декера врасплох, но он решил воздержаться от комментариев.

– Но когда-нибудь она говорила, что он у нее есть?

– Ага, упомянула за обедом. Я спросил, в чем дело.

– И что же она сказала?

– Сказала, что это из-за какой-то глупости, связанной с тем, что она судья, но искушать судьбу не хотела.

– Ничего более конкретного?

– Нет. Но она и раньше получала угрозы, и ничего.

– Тебя не тревожило, что тебе может угрожать опасность, пока ты там?

– Я уже большой мальчик, могу позаботиться о себе. Но за маму тревожился всегда.

Психов хватает, знаете ли.

– Когда ты был там, не видел чего-нибудь странного?

– Не-а. Пока я добирался домой из школы, я был порядком измотан. Обычно ужинал, слушал музыку, делал уроки – и на боковую.

– У тебя круглогодичный график тренировок?

Тайлер кивнул.

– Мы стали вторыми по штату, так что за нами все гонятся. Команда, побившая нас, растеряла к выпуску половину своего стартового состава, а мы еще укомплектованы. Юниором я был в сборной штата. И хотя мне уже предлагают стипендии, я ставлю на то, чтобы быть еще лучше, чем в прошлом году. Тренажерка, кардио, схемы игр, муштра прорывов и блоков... Без остановок.

– Та же бодяга в колледже. А для профи это и есть жизнь.

– Может, заработаю достаточно денег, чтобы когда-нибудь купить собственную команду...

– Вот так-так! Значит, ты ни разу не видел и не слышал ничего такого, что тревожило бы твою мать?

– Кроме папы.

– В каком смысле? – восторженно воскликнул Декер.

На лице Тайлера вдруг отпечатался страх.

– Нет, эй, я просто в смысле, ну, он типа маленький ребенок, который так и не повзрослел... Тут нет ничего плохого. Он просто любит жизнь, понимаете?

– Это я уяснил, но развелись они из-за этого?

– Ага. И еще какой-то дурацкой налоговой накладкой, из-за которой мама очень расстроилась. Это было лет пять назад, когда она стала судьей. И подала на развод совсем скоро после того. Я толком не врубаюсь. В смысле, чтобы ставить крест на браке из-за налогов? У них обоих уйма денег. И вообще, маме не нравился папин образ жизни после развода, и она не хотела, чтобы его девицы были в доме, когда я с ним. Она считала, что это неправильно.

– А ты что об этом думаешь?

– Ну, должен признать, было приятно видеть девушек, бегущих по кондо в футболках и практически больше ни в чем, или загорающих на балконе или у бассейна, но через некоторое время это приелось. В смысле, это же мой папа! И вообще, их интересовали только его деньги. И хотя он поддерживает приличную форму, ему почти пятьдесят. Девушки двадцати с чем-то лет не клюют на таких без финансового подкрепления.

– Значит, ты был вчера ночью с отцом? Тут?

– Ага. Добрался домой часов в семь. Мы поужинали, посмотрели телик, и я закончил домашку. Потом лег.

– Во сколько?

– Где-то в пол-одиннадцатого. Вымотался.

– А папа?

– Я слышал, как он разговаривает в своем кабинете. Моя спальня с ним рядом. У него клиенты по всему миру, так что он действует в разных часовых поясах. То и дело меня будит, когда зумится. Он типа думает, что надо орать, раз они в Азии, и всякая такая хрень.

– Случаем, не смотрел на часы, когда проснулся?

– Да это было не раз и не два. И засыпал я не сразу. Один раз в районе часа примерно. Помню, что как раз подумал, что в шесть вставать на пробежку, и разозлился.

– Так...

– И еще раз после двух. Помню, посмотрел на часы. А потом снова ближе к трем.

– Так.

– А пока пытался уснуть, до того, слышал, как он расхаживает по кабинету и отработывает свою речь – ну, знаете, что скажет клиентам. Он все время так делает.

– Ладно... Позволь мне все прояснить: ты слышал, как отец либо говорит по «Зуму», либо расхаживает из угла в угол и отработывает свою речь – когда именно?

– Ну, смахивает на то, что от полуночи и почти до трех.

– Ты хочешь сказать, что *так и не* уснул?

– Лады, ага, уснул. Около трех, когда услышал, как он встал и смотался из кабинета. Так что он мог покинуть кондо после этого, хотя не думаю. Я слышал, как он прошел мимо моей комнаты, потом дверь его спальни открылась и закрылась. Она дико скрипит. Потом я услышал, как у него полился душ.

– Он принимает душ в три часа ночи?

– Я же сказал, он из-за бизнеса живет в каком-то своем времени. И потеет не меньше моего, особенно когда ведет дела с клиентами. Говорит, они очень требовательные. А душ помогает ему успокоиться, расслабиться перед сном. И обычно он перед сном пропускает за воротник.

Декер поразмыслил обо всем этом.

– Ладно, спасибо за это.

– Он любил маму. Очень. Это его подкосило. Он проплакал все утро и пил как сраная лошадь. – Помолчав, Тайлер посмотрел на воду. – По-моему, он еще и напуган – отчасти потому что теперь стал отцом-одиночкой. Больше ему не перевалить ответственность на маму. На самом деле это она все со мной делала. Подготовку к академическому оценочному тесту, уроки, визиты к врачу, позаботилась обеспечить меня всем нужным для выпускного, помогала выбрать колледжи, беседовала с вербовщиками, пилила меня за отметки... Не пропустила ни одного моего матча. А когда я был моложе, то занимался всеми видами спорта подряд, и она была тут как тут. Даже была тренером одной из моих команд малой лиги.

– Прямо суперженщина, учитывая, что она была адвокатом, а после судьей...

– Ага, мы все очень ею гордились, когда она стала федеральным судьей. Блин, да ее назначил сам хренов президент Соединенных Штатов! В смысле, разве не круто, а?

– Довольно круто.

– И что теперь будет? – Тайлер покачал головой.

– Ты окончишь школу и пойдешь в шикарный колледж, чтобы мама тобой гордилась.

– Но без нее я не уверен, что смогу не распускать нюни.

– Всякий раз, когда такое придет в голову, думай обо всем, что делала твоя мать, чтобы подготовить тебя к жизни. Для нее дело того стоило – значит, должно стоить и для тебя. Это выражает уважение.

Тайлер странно на него посмотрел.

– Смахивает на то, что вы тоже кого-то потеряли.

Поглядев на парня, Декер отчасти увидел в нем юного себя. Абсолютно уверен в своих атлетических способностях, но больше ни в чем.

– Все мы теряли кого-то близкого, Тайлер. Важно то, как мы с этим справляемся. Потому что, если напортачишь в этом, все остальное особого значения не имеет.

Глава 12

– У меня была «Зум»-конференция с клиентом из Гонконга с двух ночи где-то до трех. До того я говорил с другим клиентом из Пекина с полуночи до часу. К пекинскому совещанию я готовился примерно с четверти двенадцатого, а к гонконгскому – после пекинского. И те, и другие опережают нас на двенадцать часов. Потом я принял душ, за ним скотч и отправился в постель.

Барри Дэвидсон принял душ и переоделся. После пары чашек кофе и двух бутылок воды он выглядел куда более собранным и сосредоточенным. Они снова сидели у него в кабинете. Тайлер вышел проветриться.

– Нам потребуется проверить сделанные вами видеозаписи и поговорить с этими людьми, – заявил Эндрюс.

– Вы в самом деле считаете меня подозреваемым в смерти Джулии? – вскинулся Дэвидсон.

– Супруги и бывшие супруги всегда становятся подозреваемыми, пока их алиби не будет установлено, – пояснил Декер.

– Вчера ночью я даже близко к дому Джулии не подходил.

Уайт бросила взгляд на Амоса.

– Ладно, давайте пройдем дальше, мистер Дэвидсон. Когда вы говорили со своей женой, не высказывала ли она каких-либо опасений, не было ли у нее проблем с кем-либо? Может, в деле, которое она вела?

– Мы с Джулией не... почти не говорили о ее работе. Я не юрист, и этот мир для меня совсем чужой. А она никогда до конца не принимала то, чем я зарабатываю на жизнь, хотя это обеспечивало нас очень хорошо.

– Как я понимаю, ваша бывшая жена изначально была при деньгах, а у адвокатов и федеральных судей доходы очень неплохие, – вставила Уайт.

– Я же не говорю, что был главным кормильцем или вроде того, хотя зарабатывал куда больше ее жалованья. По моему мнению, ей, как судье, сильно недоплачивали.

– Вам надо поднять этот вопрос в Конгрессе, – заметил Декер. – Когда вы в последний раз виделись или говорили с ней?

– Пару дней назад. Она хотела напомнить мне, чтобы Тайлер принял свое лекарство от аллергии. Ему надо начинать его прием заранее, до наступления весны. Я сам сижу на «Зиртеке» круглый год.

– А *виделись* вы с ней когда? Вы упоминали, что пару недель назад заехали к ней, чтобы забрать Тайлера...

– Джулии тогда дома не было. Дайте подумать минуточку... Ага, это было в школе. С неделю тому назад. В школе действует программа наград. Тайлер стал лучшим учеником-спортсменом года.

– Чудесно, – похвалила Уайт. – Уверена, вы оба им гордились.

– Он усердно трудится и заслужил это. Я в старших классах был так себе спортсмен, а в колледже и вовсе спортом не занимался. Отчасти его телосложение от меня, но Джулия была отличной пловчихой и теннисисткой. Атлетизм определенно достался ему от нее. – Он поднял к ним лицо, воплощавшее страдание. – Как... как ее убили? Мне никто не сказал.

Уайт переглянулась с Декером, и тот произнес:

– Ножом, мистер Дэвидсон.

– О боже мой! – Он схватился за голову.

Эндрюс достал свой телефон.

– Возле ее тела кое-что оставили.

- Что? – Дэвидсон поднял голову.
- Эту записку. – Эндрюс продемонстрировал свой телефон.
- «Res ipsa loquitur»? – Дэвидсон уставился на них. – Смахивает на латынь. Что это значит?
- Мы надеялись, что вы предоставите нам сведения на сей счет, а также о врагах, которые у нее могли иметься.
- Я не знаю латынь. И, насколько мне известно, врагов у нее не было.
- Я провел предварительную проверку ее прошлых судов, – сообщил Эндрюс. – Она вела ряд дел по наркотикам, синдикатам, бандам. Некоторые субъекты весьма опасны.
- Н-н... наверное. Я как-то ни разу не задумывался об этом, – признался Дэвидсон.
- И у нее был личный телохранитель. Не знаете почему? – спросил Декер.
- Тайлер что-то упоминал об этом после обеда с ней, так что я эсэмэснул Джулии, чтобы узнать, в чем дело. Она так и не ответила.
- Декер с задумчивым видом кивнул.
- А у вас есть враги?
- Дэвидсон удивленно вскинул глаза.
- Это у нее был телохранитель, не у меня.
- Может, она была осторожнее... Итак, есть враги?
- Дэвидсон отвел взгляд.
- Н-нет... Нет врагов. Слушайте, я... я должен закончить этот разговор. Я... мне... меня тошнит. – И ринулся прочь из комнаты.

* * *

- Выйдя из дома, они встали вокруг машины Эндрюса.
- Выудили что-нибудь из своей беседы с Тайлером? – поинтересовалась Уайт.
 - Подтвердил алиби отца во всех отношениях, так что если только папан не врет, чтобы прикрыть предка, в чем я сомневаюсь, Барри можно вычеркнуть из списка подозреваемых, если время смерти подтвердится. Тайлер сказал, что не видел никаких охранников в доме матери, когда был там. Но сообщил, что мать ему об этом сказала и что это из-за какой-то глупости, связанной с ее работой. Вероятно, это формулировка Тайлера, а не судьи.
 - Как же он не видел там телохранителя?
 - Ну, если охранник все время был снаружи и если прибыл и убыл, пока Тайлер спал, такое вполне могло быть. Надо получить эти сведения в компании.
 - Значит, бывший муж может быть чист и свободен? – уточнила Уайт.
 - Не обязательно, – возразил Декер. – Возможно, мы имеем дело с заказным убийством. Тогда его алиби не имеет значения.
- Когда Амос уселся в машину и захлопнул дверцу, его телефон зажужжал. Он узнал номер.
- Эрл Ланкастер.

Глава 13

– Какие-то проблемы, Эрл? – встревожился Декер.

– Сэнди, Амос.

Он почувствовал, как внутри него что-то оборвалось.

– Сэнди? Что случилось? Она в порядке?

– Я пытался поговорить с ней о маме. Но не смог продвинуться ни на йоту.

У Декера отлегло от сердца.

– Эрл, у полицейского департамента в распоряжении очень хорошие психотерапевты.

Они могут потолковать с Сэнди...

– Амос, мы пытались, – перебил явно впавший в отчаяние Эрл Ланкастер, – да всё без толку. Дело в том...

– В чем же?

– Сэнди хочет говорить с тобой.

– Со мной?!

Эндрюс завел двигатель, и Амос поднял голову. Уайт с любопытством смотрела на него.

– Зачем ей говорить со мной? – понизил он голос.

– Потому что она говорит, что ты никогда ей не врешь.

– Штука в том, Эрл, что я во Флориде по делу. И не могу сейчас вырваться.

– Ничего страшного. Она просто хочет *поговорить* с тобой. Сможешь сейчас? Она очень настаивает.

Декер посмотрел на Уайт, не сводившую с него глаз.

– Она хочет поговорить со мной сейчас? Что я должен ей сказать?

– Что... – Голос Эрла прервался. – Что ее маме пришлось уйти, но она всегда будет смотреть на нее сверху, приглядывать за ней, что-то в этом роде... – Декер услышал шум в трубке. – Ладно, Сэнди, ладно, он здесь.

Амос услышал шорох, когда телефон переходил из рук в руки. Потом раздался голос Сэнди:

– Ты Амос Декер?

Он подумал, не дать ли отбой. Но потом представил маленькое, преисполненное надежды личико Сэнди – и просто не смог.

– Ага, Сэнди, это Амос Декер.

– Я хочу к мамочке, Амос Декер, но никто не говорит мне, где она. Ты мне скажешь, куда она пошла? Пожалуйста?

В силу своей натуры Сэнди говорила громко, и, судя по выражению лица Уайт, она это слышала. Заметила беспомощный взгляд Декера и поспешно отвела глаза.

– Она... – пролепетал Амос, – твоей... мамочке пришлось уйти, Сэнди.

– Нет! Так говорят, но мамочка никогда-никогда не уходит, не сказав мне до свиданье. Она меня любит. Ты врешь мне, а ты никогда не врешь. – Она заплакала.

Декер подумал о словах, которые предложил использовать Эрл, но понял, что Сэнди увидит его насквозь, и это только все усугубит. Пусть она умственно неполноценна, но в некоторых отношениях куда прозорливее него. И это тот самый случай, потому что касается непосредственно сердца.

– Сэнди, ты меня слушаешь?

– Нет, если скажешь, что мамочка ушла, не стану, – проговорила она сдавленным голосом.

– Ты... – Декер с трудом верил, что вот-вот скажет это, но ничего другого ему в голову не пришло. И он не хотел подвести Сэнди вслед за ее матерью. – Ты помнишь мою дочь Молли? Вы вместе играли.

Тон Сэнди тут же повеселел.

– Конечно, я помню Молли. Она была очень добра ко мне.

– А потом, помнишь, однажды Молли ушла, правда?

– П-правда.

– Я не хотел, чтобы она уходила, но ей пришлось, потому что... ну... у нее не было выбора. Она не хотела покидать меня, но кое-что ее заставило.

– Мапочка сказала, что с ней что-то случилось. Что кто-то сделал ей больно.

– Это правда. Кто-то сделал моей доченьке больно, и ей пришлось уйти, Сэнди.

Эндрюс встретился взглядом с Уайт. Вид у него был расстроенный и потрясенный. Покачивая головой, она прижала палец к губам.

– И мамочке Молли тоже, – сказала Сэнди. – Я помню.

– Да, и мамочке Молли тоже, они обе ушли вместе. Кто-то их заставил, они не хотели.

– Они сказали досвиданье?

– Сэнди, закрой глаза.

– Что, зачем?

– Просто закрой глаза, пожалуйста. Это важно.

– Ладно.

– Они закрыты? – спросил Декер.

– Да.

– Теперь подумай о своей маме. Что она делает?

– Она мне улыбается. Она всегда мне улыбается.

– Это правда. Каждый раз, когда твоя мама говорила мне о тебе, она улыбалась. Потому что она любила тебя больше всего на свете, как я любил мою доченьку.

При этих словах Уайт стиснула кулак и крепко прижала его ко рту. Глаза ее были закрыты, но из-под век сочились слезы.

– Ты видишь Молли, когда закрываешь глаза? – спросила Сэнди.

– Да, вижу, все время. И ее мамочку вижу. И, я думаю, потому-то они, и твоя мама тоже, так и не попрощались. Потому что когда говоришь «прощай», это значит, что мы больше не увидимся. Но мы увидимся. Ты видишь ее прямо сейчас. А я закрываю глаза, и передо мной Молли и ее мама. Я вижу их прямо сейчас, и они мне улыбаются. Так что никаких прощаний. Они всегда с нами, Сэнди. Надо только закрыть глаза и сказать: «Привет», и они к нам придут. Они прямо здесь, с нами. Всё время.

– Привет, мамочка, – проговорила Сэнди. – Это я, Сэнди.

– И даже если она вроде бы не отвечает, Сэнди, в голове ты знаешь, что она сказала бы. Молли всегда звала меня «папань». Так что прямо сейчас я слышу, как она так меня зовет.

– Мамочка зовет меня Сэнди-денди.

– Я знаю. И, наверное, она называет тебя так прямо сейчас.

– Я слышу ее. Правда-правда слышу. Это я, мамочка, Сэнди-денди...

– Ага, я тоже ее слышу.

– Я хочу показать ей новые платья, которые папочка мне купил.

– Уверен, она с радостью их посмотрит.

– Ты правда Амос Декер, да?

– Ага, я правда Амос Декер.

«К добру оно или к худу».

Несколько мгновений спустя в трубке раздался голос Эрла:

– Боже мой, Амос, не знаю, что ты сказал, но ее как подменили. Убежала наверх, хохоча во все горло и повторяя «Сэнди-денди» снова и снова. – Он помолчал... – Амос, ты еще там?

– Я еще здесь.

– Спасибо тебе большущее.

– Ага. Слушай, мне пора.

Дав отбой, Декер уставился на телефон. Эндрюс бросил на Уайт вопросительный взгляд.

– Отвезите нас к нашей прокатной тачке, – сказала она. – По-моему, пора нам заселиться в отель и перекусить. А может, и выпить.

Пока машина ехала, Уайт то и дело поглядывала на Декера. А он просто продолжал смотреть на телефон.

Глава 14

– Не стану спрашивать, не хотите ли вы об этом поговорить, потому что ответ знаю заранеее.

Декер и Уайт сидели в обеденном зале «Даблтри». С едой было покончено. Амос взял пива, а Уайт вертела в пальцах бокал мерло.

Пропустив ее слова мимо ушей, Декер допил пиво и уже вставал, чтобы уйти, когда она сказала:

– У меня было трое детей, Декер. Сейчас только двое.

Он снова сел.

– Что стряслось?

– Разборка соперничающих банд на нашей улице. Палили почему зря. Одна пуля прошла сквозь стену нашего дома. Услышав шум, мой сын Донте сел в кровати. Пуля угодила ему прямоком сюда. – Фредерика прижала дрожащий палец к левому виску.

– Сожалею... Когда это случилось?

– Пять лет назад. – Помолчав, она опустила глаза. – Он был моим средним ребенком. Дети у меня шли прямо подряд. Мои биологические часики тикали. Я знала, что хочу троих. Думала, справлюсь, карьера в ФБР и все прочее... Пока мой бывший не ушел за порог, когда я еще вынашивала Джеки. К счастью, мама пришла мне на выручку. Я... меня не было дома, когда это случилось. Я была на... – Из груди ее вырвалось рыдание, но она быстро его подавила. Утерла губы салфеткой и подняла глаза, но избегая встречаться взглядом с Декером. – На задании.

Амос нервно стучал пальцами по столу. Он не хотел прерывать молчание, не зная, что сказать. Но наконец-то решился высказаться, поскольку чувствовал, что Уайт потребовалась немалая отвага, чтобы сделать столь душераздирающее признание. И она заслужила чего-то подобного в ответ.

– Сэнди – дочь моей прежней напарницы. У нее задержка умственного развития, так что она не может до конца понять, что с мамой. Потому-то ее отец мне и позвонил. У нас с Сэнди... что-то вроде доверительных отношений.

– То, что вы ей сказали, Декер, просто замечательно. Почти идеальное попадание в цель для данной ситуации.

– Обычно я не говорю о том, что стряслось с моей семьей. Я этого просто не... делаю.

– Я тоже. Но я просто подумала, что нам надо сломать лед.

– Справедливо.

– Говорят, время лечит, но я в этом не уверена. Вовсе нет.

– Время не обязательно лечит, но дает перспективу и приглушает чувство утраты. Впрочем, не для меня. – Амос прижал палец ко лбу. – Я не способен забывать. Ни на йоту. Ничего не идет на убыль, ничего не становится лучше. Это новый выход кино каждый день, но кино то же самое.

– Но вы ведь помните и хорошие времена, правда? Лучше, чем мы остальные – свои. У меня начинает угасать часть того, что связано с Донте. Я не хочу этого, но у меня двое детей и карьера, поглощающая все, что у меня есть.

Декер потер рот.

– Одно другое не компенсирует. Это сорок бочек арестантов.

– Это я понимаю. А еще понимаю, что вы подвели черту с личными вопросами, так что давайте перейдем к профессиональным. Сегодняшние впечатления?

Декер автоматически перестроился.

– Барри Дэвидсон в чем-то юлит, только не знаю, в чем. Тайлер растерян и страдает. Хочу поговорить со службой защиты «Гамма» и узнать, почему они охраняли судью. И еще хочу знать, что олицетворяет записка. «Res ipsa loquitur».

– Я это уже слыхала, но для полной уверенности погуглила. Юридический жаргон. Означает что-то вроде «Вещь сама себя доказывает».

– Верно, я тоже это проверил. Должно быть, это важно, по крайней мере для убийцы, а значит, и для нас.

– Думаете, это проистекает из рассмотренных ею дел, что-нибудь из прошлого? И повязка на глаза тоже? Может, какой-нибудь осужденный решил, что она его зарыла? Правосудие *не было* слепым и все такое...

– Тайлер думает, что она взяла охрану из-за чего-то, связанного с ее постом судьи, – сообщил Декер. – Но она могла покривить душой на сей счет. Это могло иметь отношение к ее бывшему мужу. У Барри Дэвидсона есть деньги, процветающий международный бизнес. Он любит закатывать вечеринки, приглашает домой девушек – во всяком случае, по словам Тайлера. Он мог с кем-то облажаться или присвоить какие-то средства сомнительного клиента, и вот вам результат. С ним расплатились, убив ее.

– Или, как вы предполагали ранее, он мог нанять для этого кого-нибудь... Так или иначе, нужно проверить его финансовую отчетность.

– Эндрюс уже занят этим. Но давай обсудим возможность, что ее убил кто-то другой, потому что имел зуб на Барри.

– Но зачем убивать судью вместо него? – недоумевала Уайт.

– Может, если его убьешь, с деньгами распростишься навсегда?

– А если так, и он знает, кто это? Может, как раз об этом он нам и недоговаривает?

– Он либо скажет нам в конце концов, – произнес Декер, – либо разберется с ними сам, либо будет держать рот на замке, потому что боится – я бы отдал голос за это, – либо скроется, потому что напуган до усрачки.

– Мне нравится, как вы резюмируете. Так аккуратно и упорядоченно...

– Джеймисон сказала тебе о цвете электрик, правда? – Он искоса глянул на нее.

Не ответив, Уайт просто продолжала наблюдать за ним.

– Когда я вошел в дом судьи и на меня чуточку «накатило»... Я видел выражение твоего лица. Смерть равноценна цвету электрик. Ты это знала. Я прочел это по твоему лицу.

– Она сказала мне, да, – признала Уайт.

– Это была не праздная болтовня когда-то давно. Ты позвонила ей *после* того, как тебя назначили моей напарницей.

– И, надо воздать ей должное, Алекс не хотела мне ничего говорить. Она безоглядно вам предана, если у вас есть какие-то сомнения по этому поводу. Но я сыграла картой «между нами, девочками-агентами, говоря».

– Мне нужно знать еще что-нибудь о системе коммуникации между девочками-агентами?

– Я скажу, если это будет уместно. – Уайт помолчала. – Это вас раздражает?

– Нет. Вообще-то это единственное из всего сказанного тобой до сих пор, что заставило меня улыбнуться.

– Вы улыбнулись? – Она вытаращилась на него. – А то я что-то не заметила...

– Внутренне.

– Само собой, – усмехнулась она.

И они разошлись по своим номерам.

* * *

Тут же позвонив домой, Уайт поговорила с матерью и детьми.

Ей пришлось навестывать уйму событий, хотя в отлучке она была не так уж долго. Приятно было услышать их голоса, особенно сейчас, после стольких перемен в жизни.

Пока она была занята этим, Декер сидел у себя на кровати, глядя в окно, где солнце уже давно угасло, но сквозь стекло был слышен рокот залива.

Закрыв глаза, он снова представил пистолет в руке Мэри Ланкастер. Пронаблюдал, как она подносит его ко рту, вставляет между губ, положив ствол на язык, потому что держать пистолет так очень неудобно. Потом ее палец скользнул к спусковому крючку. Наверное, она закрыла глаза, позволив мыслям унести, куда требовалось.

А затем...

Открыв глаза, он встал и подошел к окну. Вид на океан был вдохновляющий: обширный, просторный, бескрайний, ровный, но при этом какой-то хаотичный, сумбурный, непредсказуемый. Потеряв жену и ребенка, Декер хотел лишь, чтобы его оставили в покое. Отчасти этот настрой сохранился и по сей день. И все же отчасти Амос страшился и остаться один-одинешенек. Порой он оставался один... наедине со своим рассудком.

«Мой постоянно меняющийся рассудок. Как и вся моя остальная жизнь. Вечная изменчивость, никакой стабильности. И, по словам добрых людей из института когнитивных способностей, поездка вот-вот станет куда более ухабистой».

Позже зажужжал телефон. Номер был незнакомый и не внесенный в контакты, потому что не было указано никакого имени.

– Декер, – сказал он.

– Агент Декер, это Хелен Джейкобс. Судмедэксперт.

– Я вас помню, мисс Джейкобс. Итак, оружие Дреймонта?

– Из него не стреляли. Однако есть еще кое-что.

– Что?

– Он *был* убит двумя пулевыми ранениями в сердце, это я подтвердила.

– Но?... – подогнал ее Декер.

– Но еще я нашла, что в горло ему затолкали нечто, выглядящее как котлета денег.

Глава 15

Декер вытащил Уайт из номера, и они поехали в бюро судебно-медицинской экспертизы – одноэтажное приземистое бетонное здание, настолько уродливое, что казалось зазорным доставлять сюда останки, чтобы искромсать их на законном основании.

Хелен Джейкобс, одетая в длинный белый лабораторный халат, с волосами, собранными в пучок и спрятанными под голубую хирургическую шапочку, встретила их у двери.

– С агентом Эндрюсом вы тоже связались? – осведомилась Уайт.

– Да. Но он не ответил, так что я оставила ему сообщение.

– Пошли, – не утерпел Декер.

Джейкобс повела их по длинному коридору с обшарпанными белыми стенами, полом из дешевого ламината и жиденьким люминесцентным светом. Отперев одну дверь ключ-картой, она пригласила их внутрь.

Комната была снабжена столами из нержавеющей стали, раковинами и массой сточных отверстий, пил «Страйкер», скальпелей и прочих медицинских инструментов, шутовщиной, смахивающей на фомку, весами для органов, планшетами, лежащими на роликовых столах, и микрофонами, свисающими с потолка, чтобы прозекторы могли в реальном времени записывать свои мысли и выводы.

У одной стены за закрытыми дверцами шкафа находились выкатные лежанки: стена смерти, как ее всегда воспринимал Декер.

Едва Джейкобс отперла дверь, как Амоса сразу накрыло цветом электрик. Он заметил, что Уайт обратила на это внимание, но одарил ее таким взглядом, что она поспешно отвела глаза.

На одном из секционных столов лежал Алан Дреймонт. Вскрытие уже завершилось, однако Y-образный разрез, рассекающий его торс спереди, еще не был зашит. Декер увидел, что органы уже изъяты, а затем уложены обратно в брюшную полость в пакетах для внутренних органов. Срезанный скальп был откинут ему на лицо; череп был вскрыт, мозг изъят.

Рукой в перчатке Джейкобс натянула кожу на место, восстановив лицо. С помощью щипцов раскрыв покойному рот пошире, она направила свет в отверстие.

– Теперь видно. Я не хотела извлекать, пока вы не прибудете.

Оба агента – Уайт пришлось предварительно встать на цыпочки – наклонились, чтобы посмотреть.

– Вы уверены, что это сделано после смерти? – уточнил Декер.

– Практически уверена, да.

– Практически? – Он оглянулся на медэксперта.

– Выстрелы в грудь явно его убили. Кровопотеря показывает, что сердце билось нормально, когда это случилось. А на теле никаких следов пут, оборонительных ран и даже борьбы.

Рассудок Декера опередил ее слова:

– То бишь человек, которому суют в горло котлету денег, должен хотя бы сопротивляться...

– Это все равно что быть удушенным насмерть, – подхватила Уайт. – Он бы дал отпор, или его надо было сперва связать.

– И у него сработал бы рвотный рефлекс, – добавила Джейкобс, – с сопутствующими следами в гортани и на языке и другими признаками. Нет ничего подобного, только ссадины, которые неизбежны при впихивании подобного предмета в чье-то горло *после* его смерти.

– Послание какого-то рода... – Декер поглядел на Уайт. – Наказание или месть?

– Это означало бы, что мишенью был Дреймонт, а не судья, – произнесла Уайт.

– А кто сказал, что он ею не был?

– И им пришлось убить судью, потому что...

– Она спустилась вниз, увидела происходящее и подверглась нападению. Затем убежала наверх, где ее и добили... – Амос замолк. – Но тогда почему записку и повязку на глаза оставили у судьи?

– Может, чтобы сбить нас со следа? – предположила Уайт.

– Вытащите это у него изо рта, – попросил Декер у Джейкобс.

Та выполнила это другими щипцами, и изо рта покойника медленно появились деньги – последнее, что когда-либо минует эти врата. Судмедэксперт положила их на чистую ткань на боковом столике.

Надев пару латексных перчаток, вытянутых из коробки, Декер принялся осторожно разворачивать деньги.

– Не похоже на Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна или Эндрю Джексона, – заметила Уайт, заглядывая сбоку.

На купюрах был изображен белобородый мужчина, смотрящий на зрителя, и чернобордый, смотрящий налево.

– *Národná Banka Slovenska*, – зачитал Декер. – *Päťdesiat*. Пятьдесят чего-то.

Достав телефон, Уайт настукала поисковый запрос. Подождала, и результат появился.

– Словацкие. Крона была денежной единицей до конца две тысячи восьмого года. Теперь у них евро. Двое мужиков – это святые Кирилл и Мефодий.

– Значит, личному телохранителю убитого федерального судьи запихнули в рот старые и больше не имеющие официального хождения словацкие банкноты после того, как застрелили его насмерть? – подытожил Декер.

Он развернул все купюры, посчитал сумму, достал телефон и перевел в доллары с помощью онлайн-калькулятора курса валют.

– По прежнему обменному курсу стоят меньше пятидесяти долларов.

– Но сейчас не стоят ничего, – прокомментировала Уайт.

– Похоже, кто-то хотел донести до нас какую-то мысль, – высказала мнение Джейкобс.

– Надо все разузнать об Алане Дреймонте, – подытожил Декер.

– Для начала хорошей отправной точкой будет его работодатель, служба защиты «Гамма», – откликнулась Уайт.

Глава 16

Назавтра утром они поехали по федеральной трассе 75 на восток и часа через два добрались до Майами, где в элегантной высотке у воды располагалась штаб-квартира службы защиты «Гамма». Агента Эндрюса осведомили о деньгах, найденных у Дреймонта во рту, и он поехал с ними.

Когда они направлялись к стеклянному лифту, Декер заметил:

- Должно быть, услуги по защите оплачиваются весьма недурно.
- Никогда не подумывали переметнуться на эту сторону? – полюбопытствовал Эндрюс.
- Нет. – Декер уставился на него.
- По деньгам куда лучше.
- Я не хочу ничего покупать настолько отчаянно.

У прочных парадных дверей агентства по защите они предъявили свои документы камере по требованию голоса из интеркома, и замок открылся, пропуская их в большой вестибюль.

Помещение являло собой сплошь стекло и металл с элегантными низкими диванами броских цветов. Туда-сюда с важным, деловым видом спешили опрятно одетые мужчины и женщины.

Вошедших попросили обождать в конференц-зале с панорамным видом на Атлантический океан.

Спустя пять минут вошла женщина в возрасте под сорок, а следом еще четверо – двое мужчин и две женщины, будто отпечатанные под копирку: подтянутые, молодые и серьезные, в костюмах, сшитых на заказ. На галстуках мужчин красовались безупречные узлы, нагрудные платки были подобраны под цвет галстуков. Волосы женщин уложены, платья ровно по колено, каблуки высотой строго предписанные два дюйма.

Обозрев все это, Декер вздохнул. «Только бы пройти через эти официозные рогатки, не наговорив ничего такого, о чем я после буду жалеть».

Женщина поглядела на него, Уайт и Эндрюс.

– Агент Эндрюс? Конференция по кибербезопасности, не так ли? Мы были в одной группе?

– Верно, – улыбнулся Эндрюс. – Это мои коллеги, Амос Декер и агент Фредерика Уайт. А это Казимира Роу, гендиректор «Гаммы».

Пожав им руки, она жестом пригласила их сесть. Декер обратил внимание, что ее сопровождающие не сели. Они просто встали у стены, сложив руки перед собой и глядя на незваных гостей из ФБР.

Декер пробежал взглядом по цепочке часов на стене, показывающих время в разных городах мира. Увидев четвертые, он вздрогнул.

– Как вы можете догадываться, мы были крайне огорчены случившимся с Аланом Дреймонтом и судьей Камминс, – начала Роу. – Это невыносимо.

– Что ж, это случилось, так что не так уж невыносимо для *кого-то*, – заметил Декер.

– Вы тоже из ФБР? – Она окинула взглядом его хаки и помятую белую рубашку, не заправленную в брюки.

– Да, – поспешно отреагировал Эндрюс. – Из Вашингтона, как и агент Уайт.

– Я думала, задача вам более чем по плечу, Дуг. – Роу приподняла бровь.

Амос пригляделся к ней повнимательней. Около пяти футов восьми дюймов, темные волосы и бледная кожа, поджарая и в хорошей форме. Одета во все черное, черные чулки и туфли на двухдюймовых каблуках. Профессиональный маникюр, макияж деликатный, но эффектный. Бдительный взгляд лучистых карих глаз, заметил он, то и дело обращается в его сторону, будто любопытный прожектор. Сдержанная, сложная женщина, заключил он.

– Это федеральный судья, – вставила Уайт, – так что ожидать повышенного внимания логично. Обычно действующим агентством в подобных случаях выступает служба федеральных маршалов, но Дреймонт был частным охранником.

– И мы хотели бы знать, почему он понадобился, – добавил Амос.

– Вообще-то я не уверена, могу ли обсуждать это, не нарушив профессиональную тайну. – Роу посмотрела на Декера в упор.

– Я-то думал, она потеряла силу, как только судья умерла, – возразил тот.

– Все обстоит не настолько просто, агент Декер, – с нарочитой кротостью улыбнулась она.

Он не стал поправлять ее по поводу именованя его агентом, потому что не придавал этому ни малейшего значения.

– Что же, не растолкуете ли это нам?

– Наши отношения с клиентами строятся на доверии. А оно не погибает вместе с человеком.

– Ну, раз вы не смогли ее защитить, нам не помешало бы узнать, кто ее убил. Не пойму, почему это для вас проблема. Или для нее. Или для ее семьи.

Эндрюс, вероятно, разглядев на лице Роу выражение досады, торопливо заявил:

– По-моему, Декер имеет в виду, что в наших общих интересах позаботиться, чтобы правосудие восторжествовало и убийцы судьи Камминс заплатились за свое преступление.

– И понимание, что волновало ее настолько сильно, – подхватила Уайт, – чтобы она наняла вашу фирму, очень поможет нам этого добиться.

Роу оглянулась на шеренгу стоявших у нее за спиной. Один из мужчин поспешно ринулся вперед и зашептал ей на ухо. Она что-то ответила, и он кивнул.

Советник вернулся к стене, а директриса посмотрела на Декера и остальных.

– Мы тут кое-что проверяем с нашим корпоративным юрисконсультom. Конечно, мы хотели бы оказать полнейшее содействие, но таким образом, чтобы не поставить под угрозу конфиденциальность клиента.

– Она просила конкретно мистера Дреймонта? – спросил Декер.

Воззрившись на него, Роу отрывисто бросила:

– Насколько мне известно, нет.

– Мы бы предпочли нечто более определенное.

– В данный момент – насколько мне известно, – твердо заявила Роу.

– По этому вопросу с ней встречались лично вы или это было при чем-то посредничестве? – вступила Уайт.

– Для полной ясности: я знакома с Джулией Камминс по некоторым обязанностям и организациям, к которым мы обе принадлежали. Но я этим делом не занималась. Я не вполне осведомлена о подробностях ее вопроса. Полагаю, она наняла фирму, иначе Дреймонт не находился бы в ее доме, охраняя ее.

– А не будет ли лучше нам поговорить с лицом, которое этим *занималось*? – проговорил Декер.

– Надо посмотреть. Как я уже сказала, необходимо привлечь корпоративного юрисконсульта.

Амос бросил взгляд на Эндрюса, ожидая его реакции. Когда же тот промолчал, Декер изрек:

– Позвольте мне внести ясность: это не было вопросом. Мы должны встретиться с этим лицом.

– Уверена, вы способны понять, насколько все мы в «Гамме» ошеломлены, – огрызнулась Роу.

– Далеко не так сильно, как несовершеннолетний сын Камминс, лишившийся матери, – парировал Декер.

- Да, конечно, я ничего такого и не имела в виду, – поспешно заявила Роу.
- И, как вам наверняка известно, скорость в подобных расследованиях играет ключевую роль. Так что чем скорее мы выясним, почему судья наняла вашу фирму, тем лучше.
- Есть ли какие-либо подвижки? – Роу повернулась к Эндрюсу.
- Ну, собственно говоря... – начал он.
- Можете ли вы сообщить нам хоть *что-нибудь* полезное? – перебил его Декер, стараясь удержать в узде вздымающееся негодование.
- Роу медленно отвела взгляд от Эндрюса.
- Алан Дреймонт был хорошим оперативным сотрудником, никаких нареканий.
- У него была семья? – поинтересовалась Уайт.
- А что? – удивилась Роу.
- Просто пытаюсь ничего не упустить. К тому же ее нужно уведомить о его смерти.
- Насколько мне известно, он был холост. Не думаю, чтобы у него были дети, но мы это проверим. Прошу прощения, но «Гамма» так разрослась, что я не могу знать всех наших людей лично до малейших подробностей.
- Конечно, конечно, – закивал Эндрюс.
- Давно ли «Гамма» в бизнесе? – справился Декер, снова стараясь сдержать раздражение на подобострастие коллеги.
- Сорок три года.
- То есть, надо полагать, еще до вашего рождения?
- Да. Мой отец, Канак Роу, основал тогда «Гамму» под другим названием. Она работала в торговом центре в четырех кварталах от Майами-Бич. Теперь у нас больше тысячи оперативников в дюжине стран. С семьей офисами в одной лишь Флориде.
- Невероятно успешная компания, – заметил Эндрюс, заслужив испепеляющий взгляд от Декера.
- Кем был ваш отец в прошлом? – спросила Уайт.
- Иммигрировал сюда со своими родителями, еще ребенком. Получил гражданство, степень бакалавра и поступил в Секретную службу. Позже создал компанию, ставшую «Гаммой».
- А сейчас ушел от дел? – продолжала расспросы Уайт.
- Нет, он... Инцидент на воде три года назад. – Она устремила взгляд в окно. – Далеко, в Атлантике.
- Печально это слышать, – произнесла Уайт.
- Тогда-то я и приняла руководство «Гаммой». Начала работать здесь на полную ставку после пяти лет в Секретной службе. Как видите, пошла по стопам отца. Потом прокладывала тут путь наверх, и была здесь уже второй по положению, когда...
- Когда мы поговорим с лицом, имевшим здесь дело с судьей? – оборвал ее Декер. – И, как мы понимаем, она могла получать какие-то угрозы. Если так, мне нужны все имеющиеся у вас записи на этот предмет.
- Роу насупилась на него, недовольно поджав губы.
- Вы очень цепкий. Из вас вышел бы хороший оперативник.
- Я просто пытаюсь быть хорошим следователем. Находится ли это лицо здесь в здании? Мы могли бы поговорить сейчас же. Какие-нибудь записи об угрозах? Нам нужны копии.
- Как уже сказала, я...
- Да, знаю, посмотрите досье и поговорите с корпоративным юрисконсультom. – Амос поднял глаза на людей, стоящих у нее за спиной. – Вы не могли бы послать одного из них сделать это *сейчас же*? Они не выглядят очень уж занятыми. А мы проделали долгий путь не затем, чтобы отправиться восвояси с пустыми руками. Несомненно, вы способны это понять.
- Кашлянув, Эндрюс нахмурился, но на лице Уайт была написана такая же решимость, как и у Декера.

Роу повернулась в сторону своей команды. Несколько секунд они переглядывались, и наконец одна из женщин вышла из зала, на ходу выстукивая что-то на экране телефона.

Декер снова бросил взгляд на настенные часы. Роу обернулась посмотреть, что его так заинтересовало.

– У нас есть офисы во всех этих городах, – пояснила она.

– Ага, я догадался. Но еще ни разу в жизни не видел часов для Братиславы.

– Это столица...

– Словакии, – закончил Амос.

Уайт с Эндрюсом изумленно переглянулись.

– Мое имя тамошнего происхождения, – произнесла Роу. – Полагаю, его истинные корни германские, но мой отец был словаком из Чехословакии. Выехал задолго до того, как она распалась на Чешскую и Словацкую Республики.

– Эмигрировать оттуда при социализме было не так-то просто, – отметил Декер.

– Тогдашняя власть как раз и послужила причиной выезда моей семьи. Они хотели лучшей жизни. – Она улыбнулась. – По-словацки «Казимира» значит «приказ к миру» или что-то вроде того.

– И у вас там есть офис? – вмешался Эндрюс.

– Да, небольшой. Я стараюсь выбираться в каждый из наших иностранных офисов каждые пару лет, когда могу. Но в Братиславе не была уже три года.

– С момента *инцидента* с вашим отцом? – уточнил Декер.

В ее взгляде промелькнула тревога.

– Да, верно.

Декер хотел было задать еще вопрос, когда женщина, недавно покинувшая помещение, вернулась с еще одной женщиной и сообщила:

– Это Элис Лансер. Она может предоставить больше информации об Алане Дреймонте и судье Камминс.

Декер смерил Лансер взглядом. Около сорока, среднего роста, блондинка, стройная, с привлекательными чертами и деловыми ухватками.

Но тут ее лицо внезапно приобрело землистый оттенок, и, ухватившись за грудь, она тяжело задышала.

А мгновение спустя рухнула на пол без сознания.

Глава 17

– Ее отвезли в ближайшую больницу, – доложил Эндрюс Декеру и Уайт, опустив телефон. Они стояли перед зданием службы защиты «Гамма». Когда Лансер повалилась, вызвали «скорую», и ее увезли в бессознательном состоянии. Роу со своей свитой скрылась в надежных коридорах «Гаммы», а Эндрюса с остальными сопроводил на улицу вооруженный охранник в форменном мундире.

– Когда мы сможем с ней поговорить? – спросил Декер.

– Не знаю. – Эндрюс развел руками. – Надеюсь, скоро.

– А записи об угрозах? – не унимался Амос.

– Слушайте, Декер, – огрызнулся Эндрюс, – дама только что потеряла сознание. Надеюсь, она в порядке. Почему бы на минуточку не сосредоточиться на этом, а?

Декер бросил взгляд на Уайт; та в ответ с любопытством посмотрела на него.

– С кем еще в «Гамме» мы можем поговорить? – настаивал он.

– По-моему, только с этой Лансер, – ответил Эндрюс.

– Из всей этой здоровенной долбаной компании она единственная что-то знает? – недоверчиво спросил Амос.

– Вполне возможно, – парировал Эндрюс. – Принцип служебной необходимости.

– Может, я здесь единственный параноик, – поведала Уайт, – но не кажется ли вам странным, что единственный человек, который что-то знает, валится трупом, даже не успев с нами заговорить?

– Ой, да бросьте, это уже чуточку чересчур, разве нет? – не согласился Эндрюс. – Я к тому, что здесь мы имеем дело с легитимной публикой. Репутация у «Гаммы» безупречная.

– А как же словацкие банкноты и тот факт, что Канак Роу родом оттуда? – не уступила Уайт. – Просто еще одно совпадение?

– И для протокола, – подхватил Декер, – я не верю даже в одно совпадение, а тем более в два.

Эндрюс подрастерял свою уверенность.

– Ну... это действительно странно, вынужден признать.

– По-моему, более чем странно. Это зацепка, которая просто криком кричит, – сказала Уайт.

– Давайте не будем торопить события, – проговорил Эндрюс. – Не стоит терять время на преследование по ложному следу.

– Алану Дреймонту затолкали в глотку старые словацкие банкноты, – начал перечислять Декер. – «Гамму» основал субъект родом из того, что стало Словакией. Имя его дочери по сути словацкое, и у них есть офис в столице Словакии. Если все это – совпадения, я подаю в отставку из ФБР и пойду нагишом переворачивать бургеры на плите.

Уайт фыркнула.

– Ладно, – сдался Эндрюс, – я с вами. Значит, все это нацелено на «Гамму» и Дреймонта убили за то, что он там работал? А судья – просто сопутствующий ущерб?

– Нам надо определить, было ли убийство Дреймонта символическим, – пояснил Декер, – или он был взят на прицел по иной причине, нежели его принадлежность к «Гамме».

– А как мы это выясним? – поинтересовался Эндрюс.

– Делая свое дело. В какую больницу отвезли Лансер? – спросил Декер.

– Не сказали.

– Тогда сейчас же перезвоните и выясните. Потому что, когда она очнется, мы должны быть там.

Сделав это, Эндрюс сообщил:

– Ладно, я добыл инфу. Можем поехать прямо сейчас. Тут недалеко.

Через двадцать минут они уже входили больницу Хардена близ Корал-Гейблс высотой в четыре этажа и оборудованную куда шикарнее, чем любая другая больница, в которой Декер бывал прежде.

– Что за Харден? – любопытствовал Декер.

– Это частное учреждение, не из дешевых, – доложил Эндрюс.

– И не говорите! Здесь есть ресторан и спа. – Уайт указала на бегущую строку в вестибюле.

Они подошли к регистратуре, где с ними поздоровалась молодая женщина в элегантном синем брючном костюме и белой блузке, сидевшая за пультом, отделанным черным гранитом и эбеновым деревом. Декеру заведение показалось больше похожим на пятизвездочный курорт, нежели на пристанище для больных и страждущих.

– Чем могу помочь? – осведомилась женщина.

Эндрюс сверкнул бляхой.

– Мы приехали повидаться с Элис Лансер. Она только что поступила.

– Да, разумеется. Позвольте проверить...

Сев за компьютер, она постучала по клавишам, глянула на экран и сообщила:

– Она прибыла, ее оформили и приняли, но, по-видимому, номер ее палаты еще не ввели в систему. Пожалуйста, присядьте; я дам вам знать, как только это сделают.

Декер посмотрел на нее долгим взглядом, прежде чем отойти и рухнуть в одно из кресел зоны ожидания. Уайт и Эндрюс присоединились к нему.

– Уверен, много времени это не займет, – заявил Эндрюс.

– Уже заняло слишком много, – возразил Амос. – И занимает все больше с каждой секундой.

Уайт внимательно смотрела на него, то и дело бросавшего в сторону регистратуры взволнованные взгляды.

– Что вас донимает, Декер?

– Одно слово.

– А именно? – настаивала Уайт.

– «По-видимому».

Встав, Амос подошел к стойке. Женщина подняла на него глаза.

– Да? Пока никаких новостей.

– Почему вы сказали, что, «по-видимому», номер ее палаты еще не ввели в систему?

– Простите?

– Вы употребили слово «по-видимому». Это предполагает некоторое замешательство или неопределенность.

– Ой, – смутилась та, – ну просто у нас довольно много свободных палат, и сразу после приема назначают номер.

– А не могла процедура приема исключить получение палаты? Скажем, триаж? Может, ее просто отпустили домой.

– Нет, в записи в системе это не отражено.

Уайт и Эндрюс присоединились к Декеру, когда тот спросил:

– А что отражено в записи?

– Что она оформлена и принята, но палата не присвоена.

– Раньше такое бывало? – подключилась Уайт.

– Гм... нет, то есть не очень часто.

– А когда такое *случается*, то по какой причине? – продолжал Декер.

– Потому что пациент по какой-то причине отказался от приема. Иначе говоря, выпи-сался ВМР – вопреки медицинским рекомендациям.

- А где осуществляется первичный прием? – гнул свое Амос. – Нам нужно туда сейчас же.
- Но вы не имеете права, это только для...

Уайт, явно так же выведенная из терпения, как и Декер, показала значок и рявкнула:

– Это говорит, что вы отведете нас туда *сейчас же* или будете арестованы за препятствование правосудию.

- О боже! – Едва не плача, женщина подскочила со своего места. – Сюда.

Вслед за ней они вошли в дверь с электронным замком, который она отперла, поднеся карту к панели считывания на стене.

Все вместе они поспешили по длинному коридору и через другую дверь с электронным замком. Перед ними открылась вереница кабинок, где одни люди вводили информацию в компьютеры, пока другие сидели в креслах рядом с ними. Кое-кто лежал на каталках, стоящих у стены. Рядом с некоторыми стояли фельдшеры «скорой помощи», очевидно, дожидаясь подтверждения состояния пациента.

- Это приемный покой, – сообщила она.

Оглядевшись, Декер ринулся к женщине, начавшей вставать из-за стола.

- Мы ищем Элис Лансер. Ее только что здесь приняли.

- Я не знаю, кто это.

- Она уехала, – сообщила другая женщина из соседней кабинки.

- Уехала? – Декер поглядел на нее. – Отказалась лечь?

- Нет. Пришли двое детективов полиции и забрали ее.

Глава 18

– Я дал ориентировку, – объявил Эндрюс. – И поговорил с полицией Корал-Гейблс. Там никакой информации о том, что их люди забрали из больницы Харден какую-то женщину.

Они сидели в машине перед больницей.

– Значит, детективы были липовые? – заключила Уайт. – Персонал больницы говорит, их жетоны выглядели настоящими, и Лансер пошла с ними.

– В данный момент непохоже, чтобы они действовали законным образом, – сказал Эндрюс. – Что за чертовщина творится? – Он бросил взгляд на Амоса на заднем сиденье, угрюмо смотревшего в окно. – Есть идеи, Декер?

– Эта особа явно не хотела встречаться с нами.

– Вы имеете в виду, что она разыграла обморок, а потом улинула из больницы при помощи пары приятелей? – спросила Уайт.

Декер продолжал смотреть в окно.

– Не просто она и пара приятелей. Настолько быстро нечто подобное осуществить непросто. Нужны люди, способные реагировать на лету. И план действий в нештатных ситуациях.

– Вы же не думаете, что к этому причастна «Гамма»? – осведомился Эндрюс.

– Мы не поговорили с, очевидно, единственной женщиной в «Гамме», которая могла нам что-то поведать. И сейчас мы здесь, а они снова замкнулись в своем надежном коконе.

– Роу сказала, что они предоставят копии своих записей, – возразил Эндрюс.

– Нет, не сказала. Она сказала, что корпоративный юристконсульт решит, предоставлять ли нам что бы то ни было, – поправил Декер.

Эндрюс вздрогнул.

– Да, пожалуй, так она нам и сказала.

– Так что не удивляйтесь, если этот юристконсульт скажет нам, что «Гамма» не может предоставить никаких документов без судебного постановления. А все мы знаем, как долго тянется эта мутотень. Стратегия юридической канители стала весьма популярна. А к тому времени будет слишком поздно. – Он обратил взор на Эндрюса. – И когда вы позвонили назначить встречу с Роу, у них была возможность подготовиться. Не знаю, была ли это одна Лансер, кто-то еще или все они. Но действовали они быстро.

– А вы что думаете? – посмотрел Эндрюс на Уайт.

– Я думаю, вопрос в том, что если мы не сможем добыть необходимые сведения из «Гаммы» своевременно, где нам их взять?

– Предположительно, – произнес Декер, – у судьи найдутся какие-то документальные свидетельства угроз. Их в ее доме не нашли, верно? Или на ее автоответчике, если он у нее вообще был.

– Не нашли, – признал Эндрюс. – Но мы всё еще проверяем ее сотовый телефон и компьютеры.

– Значит, мы сможем добыть их из суда, – заключил Декер.

– Мне нужно поговорить с нашим юристом, – заметил Эндрюс.

– Я имел в виду не *этот* суд, я имел в виду кабинет судьи Камминс. Свидетельства могут быть там. А еще там есть люди, с которыми она работала и с которыми мы можем поговорить.

– Я это планировал, – заявил Эндрюс.

– И изъять записи систем видеонаблюдения в больнице. Может, увидим субъектов, умыкнувших Лансер...

– Ладно, займусь.

– И раз уж мы здесь, давайте поглядим, где живет Элис Лансер.

– У нас нет ее адреса, – возразил Эндрюс.

- Нет, есть, – ответил Декер.
 - Откуда?
 - Я видел ее регистрационный бланк в больнице.
 - А вы правильно помните? – забеспокоился Эндрюс.
 - На этот счет я бы не волновалась, – встряла Уайт.
 - У нас нет ордера на обыск, – уперся Эндрюс.
 - Она пропала без вести. Разве мы не можем отнести это на предмет проверки ее благополучия? – продолжил Декер.
 - И этим занимаются местные власти, а не ФБР.
 - Она – потенциальный свидетель по делу об убийстве федерального судьи.
 - Не имеет значения. И, для полной ясности, я не намерен подставить судебное преследование, лажанувшись на Четвертой поправке⁷, как чайник.
- Декер поглядел на него чуть более уважительно.

* * *

Лансер жила в деревне Майами-Шорс, в получасе пути к северу от здания «Гаммы». Деревню составляют опрятные домики, каждый на одну семью, пара небольших коммерческих зон, широкие улицы и масса растущих среди них деревьев.

– Это спальный район Большого Майами, – пояснил Эндрюс. – А еще здесь множество пенсионеров. Но это можно сказать о большинстве населенных пунктов во Флориде. Вы не думали перебраться сюда, когда уйдете в отставку, Декер?

– Нет. Сколько еще до ее дома?

– Он на следующей улице.

Они свернули на подъездную дорожку небольшого оштукатуренного бунгало с маркизами над окнами в зеленую и белую полосу с невысокой, толстой пальмой перед ним. Трава подстрижена коротко, на клумбах почти нет цветов. Они выбрались из машины, и Декер заглянул в окно гаража на одну машину.

– Пусто. Должно быть, ее машина осталась на работе.

– У нас нет ордера на обыск, как я уже говорил, – напомнил Эндрюс.

– Но мы ведь можем оглядеться, правильно? – заметил Амос. – Пока вы не запросите и не получите ордер на обыск...

– Да. Снаружи. И на виду у всех.

Проведя поиск по периметру двора, они обнаружили, что Лансер им почти и не пользовалась. Позади дома имелась небольшая деревянная терраска, но никакой уличной мебели, чтобы на ней посидеть. Задний двор выглядел таким же неухоженным, как передний.

Декер воспользовался своим ростом, чтобы заглянуть в некоторые окна, однако почти ничего не увидел.

– Могу я вам помочь?

Обернувшись, он увидел женщину, глядевшую на него из соседнего двора – лет семидесяти, седовласую и полную, одетую в белые тренировочные брюки, синюю блузу с длинными рукавами и ортопедические ботинки. На шее у нее висели очки на цепочке.

Все трое предъявили ей документы. Надев очки, она подошла поближе.

– ФБР! Что-то стряслось?

– А вас как зовут? – осведомился Эндрюс.

– Дороти Стэдман.

⁷ Четвертая поправка к Конституции США запрещает необоснованные обыски и задержания, а также требует, чтобы любые ордера на обыск выдавались судом при наличии достаточных оснований, исключая случаи федерального законодательства.

- Давно вы тут живете?
- Лет пятнадцать с лишним.
- Что вы можете нам сказать о мисс Лансер? – поинтересовалась Уайт.
- Да я-то ее и знаю не так уж хорошо. Я давно на пенсии. Так что наши дорожки пересекаются нечасто.
- Когда вы видели ее в последний раз? – спросил Декер.
- Видела, как она отъезжала нынче утром. По-моему, она работает в Майами.
- Она выглядела нормально?
- Да, то есть ничего такого из ряда вон.
- Вы беседовали с ней в последнее время? – осведомился Декер.
- Женщина поразмыслила.
- О, несколько дней назад. Она прогуливалась. Это было вечером. Мы поболтали секунд пять. Погода, всякое такое...
- У нее бывает много гостей?
- Особо не видала. Вернее, время от времени.
- Достав телефон, Эндрюс включил экран и показал его женщине. На нем было фото Алана Дреймонта.
- Этот человек?
- Да, я *видела* его. Он приходил повидать Элис много раз... ну, насколько я знаю. Я решила, что он за ней ухаживает.
- Это походило на романтическую связь? – уточнила Уайт.
- Да не особо. Просто я так думала. А... с Элис что-то стряслось?
- Мы пытаемся это выяснить. Что еще вы можете рассказать о ней? – продолжал расспросы Декер.
- Живет тихо. Держится особняком. Ни разу не говорила, что хочет детей. Я думала, она как-то связана с органами правопорядка.
- Почему вы так решили? – полюбопытствовала Уайт.
- Разок видела, как она садится в машину, а на поясе у нее пистолет.
- Эндрюс вручил ей карточку.
- Если вспомните еще что-нибудь, пожалуйста, позвоните мне. А если увидите мисс Лансер здесь, дайте мне знать в ту же секунду.
- Дать вам знать? Она попала в неприятности?
- Мы же сказали, что пытаемся это выяснить, – произнес Декер. – Спасибо.
- Уже садясь обратно в машину, Уайт заметила:
- Значит, Дреймонт и Лансер могли быть парочкой?
- Дреймонт убит, а Лансер разыгрывает обморок, чтобы отвертеться от ответов на наши вопросы... Тут дело не в ухаживании, – возразил Амос. – Тут что-то посерьезнее.
- Во что они могли впутаться? – вставил Эндрюс.
- Они оба работали в «Гамме». Это и могло быть общим знаменателем.
- Вы имеете в виду *причастность* «Гаммы»?
- Не обязательно. Но не будем делать скоропалительных выводов, ладно?
- Трудно поверить, чтобы организация со столь безупречной репутацией, как «Гамма», могла...
- Ага, скажите это инвесторам Берни Мейдоффа⁸, – оборвал его Декер. – А где вы взяли это фото Дреймонта?
- С веб-сайта «Гаммы».

⁸ Бернанд Мейдофф (1938–2021) – американский мошенник и финансист, организовавший крупнейшую в истории финансовую пирамиду.

- И вы должны запросить ордер на обыск дома Лансер.
- Сейчас. – Эндрюс нажал кнопку быстрого набора номера и прижал телефон к уху.
- А сейчас едем в суд, – объявил Декер.

Глава 19

На взгляд Декера, федеральный суд Форт-Майерса на Первой стрит ничем не отличался от всех прочих федеральных судов, которые он видел, разве что перед этим росли пальмы.

Они предъявили службе безопасности свои документы, и, позволив им оставить оружие при себе, их сопроводили в кабинет Кена Кейна – заместителя федерального маршала, отвечающего за безопасность здания суда. Эндрюс сказал, что дружит с Кейном.

– Мы вместе играем в гольф.

– Да неужто во Флориде в гольф играет *каждый*? – проворчал Амос.

– Это одна из главных причин, зачем люди перебираются сюда, Декер, – парировал Эндрюс.

Кейну было за пятьдесят. Волосы с проседью, синий пиджак и серые слаксы хорошо сидели на шестифутовой фигуре. На Декера он произвел впечатление прагматичного, прямолинейного человека. Впрочем, ему уже доводилось заблуждаться на сей счет.

Обменявшись с ними рукопожатиями, Кейн сказал:

– Проклятье, прямо не верится, что судья Камминс мертва. Была милейшим человеком, лучше и не пожелаешь.

– Знаю, Кен, это было шоком, – откликнулся Эндрюс.

– Чем могу помочь? – спросил Кейн.

Эндрюс разъяснил на предмет возможных угроз в адрес Камминс. И что та наняла «Гамму» для защиты – возможно, как раз из-за этих угроз.

– Какого черта?! – воскликнул Кейн. – Почему она не предупредила нас об угрозах?

– Вы уверены, что не предупредила? – уточнил Декер. – То есть не вас, а кого-нибудь еще?

– Любые угрозы федеральному судье в этом суде находятся в *моей* юрисдикции. Здесь действуют установленные процедуры. Судье Камминс угрозы поступали и раньше. Это юг Флориды, тут хватает агрессивных банд и наркодилеров. А у нее таких в списке дел к слушанию хоть отбавляй. Мы всегда ее защищали. Я только не понимаю, почему она нам не сказала.

– Она не упоминала о каких-нибудь недавних опасениях? – спросил Эндрюс.

– Нет, ни словом.

– И вы не знали, что она наняла «Гамму»? – вступила Уайт.

– Нет, не знал, – бросил Кейн.

– Вам знакома эта организация? – поинтересовался Декер.

– Я о них знаю. Бывал на конференциях по безопасности, где выступал Канак Роу.

– А его дочь вы знаете?

– Казимиру? Сталкивались несколько раз, но я знаю ее не так уж хорошо.

– И все же, какого вы о ней мнения? – не унимался Амос.

– Она зарабатывает много денег.

– А о ее профессионализме?

– Она была в Секретной службе, так что знает, что делает. Ее отец был виртуозом своего дела. Она... ну, она более *бизнес*-ориентирована, чем был он. С тех пор как Казимира возглавила фирму, та выросла почти вдвое. Знаете то здоровенное офисное здание в Майами? Она купила его два года назад. «Гамма» занимает верхние шесть этажей, а остальные сдает в аренду. Делает состояние на одном этом.

При этих словах Декер пригляделся к нему повнимательнее. «Не завидует ли Кейн Роу? Определенно смахивает на то».

– Похоже, она умная бизнес-леди, – заметила Уайт.

– На деньгах жизнь не заканчивается, – отозвался Кейн. – Возможно, ей стоит пересмотреть свои приоритеты.

– И почему я ни разу не слышала подобных высказываний о бизнесменах? – бросила Уайт.

– Нам нужно обыскать кабинет судьи, – вставил Декер. – И поговорить с ее секретарем, клерками, со всеми, кто может чем-то нам помочь.

– Я вас провожу, – согласился Кейн, глянув на Уайт волком.

Глава 20

– Сара Ангстрем и Дэн Сайкс, – представил Кейн двух людей лет двадцати пяти. – Клерки судьи на этот срок.

Они находились в приемной кабинета Камминс.

Ангстрем, высокая худая блондинка с бледной кожей и кислым выражением лица, была одета в темный жакет, слаксы и белую блузку. Сайкс – на несколько дюймов ниже, рыхлый, на носу очки в черной оправе, длинноволосый, с авторучкой в кармане рубашки с короткими рукавами.

Оглядев их, Декер получил первое впечатление горя, потом недоверия и, наконец, страха. Оба сказали, что не имеют ни малейшего понятия о недавних угрозах в адрес судьи.

– А если заглянуть подальше в прошлое? – предложила Уайт.

– Восемь месяцев назад она председательствовала на суде по закону РИКО⁹, – сообщил Сайкс. – Местные гангстеры, имеющие связи с картелем в Мексике. Двое осужденных грозили ей на открытом суде.

– И мы предоставили ей защиту, – подхватил Кейн, – до конца дела и еще два месяца после того. Затем произвели переоценку рисков и заключили, что они больше не существенны.

– Может, эти парни только-только оклемались, чтобы исполнить свои угрозы, – предположил Эндрюс.

– Нам нужно посмотреть материалы по делу и сопутствующие документы, – добавила Уайт.

– Конечно, все, что потребуется, – согласился Сайкс.

– Есть какие-нибудь догадки, кто может быть к этому причастен? – Декер повернулся к Ангстрем.

– У меня? – встревожилась та. – Нет. Никаких догадок. По ходу, в делах судьи Камминс не было ничего такого, чего нет у других здешних судей.

– Это правда, – подтвердил Кейн.

– Сколько здесь судей? – осведомился Декер.

– Больше дюжины активных судей окружного суда, – выложил Кейн, – столько же старших судей и свыше двух дюжин мировых.

– И все они постоянно заняты? – уточнила Уайт.

– Средний округ Флориды создан в тысяча девятьсот шестьдесят втором году, – сообщил Кейн. – Первый новый федеральный округ с двадцатых годов. Создан, чтобы разгрести завалы дел в Южном округе. Теперь количество дел в производстве Среднего округа больше. Он охватывает широкую полосу Флориды, от обоих побережий до внутренних районов. Форт-Майерс, Тампа, Орlando, Окала и дальше на север вплоть до Джексонвилла. Так что да, они всё время очень заняты.

– Давно вы работаете на судью? – Декер поглядел на двоих клерков.

– Я здесь около года, – доложила Ангстрем.

– Я пришел четыре месяца назад, – сообщил Сайкс. – Предыдущая клерк вышла замуж и переехала.

– А в ее списке дел, назначенных к слушанию *сейчас*, не было ничего такого, что могло бы привести к угрозам? – спросил Декер.

– Ничего необычного. – Сайкс развел руками, а Ангстрем кивнула.

⁹ «Закон о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях» принят для борьбы с организованной преступностью и устанавливает более строгую самостоятельную ответственность за легализацию незаконно заработанных средств.

- Не было ли у нее здесь посетителей, казавшихся странными? – поинтересовалась Уайт.
- Нет, никого подобного, – ответил Кейн. – Обычные посетители здесь – члены семьи, друзья или коллеги.
- А после дела РИКО больше ничего? – справился Декер.
- Нет, – откликнулась Ангстрем.
- А где секретарь судьи? – спросила Уайт.
- Сказалась сегодня больной, – отчитался Сайкс.
- Нам нужен ее адрес. – Декер поглядел на Кейна.
- Ее зовут Пэтти Келли, – уведомил тот. – Она здесь уже более двух десятилетий. Сообщает будь здоров.
- Это хорошо; может, она сообразит, какие ответы нам нужны. – Декер обернулся к клеркам: – А пока что не будете ли любезны прислать текущий список дел судьи агенту Эндрюсу? Представления, ходатайства, компендиумы дел...
- Уголовных или гражданских? – уточнил Сайкс.
- И тех, и других. Люди убивают из-за денег ничуть не меньше, чем из-за всего другого.
- Сию секунду, – заверил Сайкс.
- Не приставить ли мне к остальным судьям дополнительную охрану? – осведомился Кейн. – Разумеется, они проинформированы, и я вижу, что они встревожены.
- Не мне учить вас выполнять свою работу, маршал, – отозвался Декер, – но дополнительная охрана не повредит.
- Правильно.
- А теперь мы хотели бы осмотреть ее кабинет.
- Кейн провел их внутрь, и Амос, встав посреди комнаты, огляделся по сторонам. Комната большая, соответствующая положению федерального судьи – масса полированного дерева, книжные шкафы, большой письменный стол, удобные кресла и стулья. Декер окинул взглядом фотографии на столе. Несколько снимков Тайлера в различном возрасте. В одной рамочке самодельная открытка с забавной рожицей и надписью «Я тебя люблю, мамочка» корявым детским почерком. Очевидно, снова Тайлер. Ни одной фотографии Барри Дэвидсона.
- В другой рамке – группка из Камминс, Дорис Клайн и еще одной женщины.
- Не знаете ли, кто третья особа? – Амос приподнял фото.
- Это Майя Перлман, – сообщил Кейн. – Занималась юридической практикой в этом суде. Отошла от дел с год назад.
- Вы ее знали?
- О да. Я же сказал, у нее тут были дела, множество дел. Так что она часто бывала в суде. Очень милая женщина и прекраснейший адвокат.
- На чем она специализировалась?
- Уголовная защита.
- Любопытно... – Декер поглядел на настольный компьютер. – Ноутбук и телефон Камминс были в доме, верно?
- Да, – подтвердил Эндрюс. – Их изучают. Этот мы тоже проверим.
- Декер и Уайт осматривали ящики стола, а Эндрюс принялся обыскивать шкаф.
- Позже, закончив с этим, Амос вышел обратно к клеркам.
- «Res ipsa loquitur». Вам это что-нибудь говорит?
- Это термин на латыни. Означает «Вещь говорит сама за себя», – растолковала Ангстрем.
- Эта концепция используется в гражданских делах, – добавил Сайкс. – Халатность и тому подобное. Переносит бремя доказательств на обвиняемого.
- Приведите пример, – попросил Декер.

– В банке с овощами нашли часть тела животного. Загорелся двигатель самолета. Закононый блок кондиционера упал и убил кого-то. Сам результат говорит, что это плоды халатности, противозаконной или наказуемой деятельности обвиняемого. Иначе говоря, этого не случилось бы, если б кто-то не напортачил. В уголовных делах это неприменимо. Конечно, бремя доказательства вины постоянно возлагается на правительство.

Они покинули суд, взяв домашний адрес Пэтти Келли.

– Вы знакомы с Келли? – поинтересовался Декер у Эндрюса.

– Вообще-то нет. Но я ни разу не слышал о ней дурного слова. Она была с судьей с тех пор, как Камминс заступила на пост.

После десятиминутной поездки они оказались в районе ухоженных скромных домиков со скудными газонами, высокими и низкими пальмами и декором из гравия и валунов разных цветов. Декер предположил, что такой ландшафтный дизайн тут популярен, потому что поливать камни не надо, а солнце их не погубит.

На подъездной дорожке был припаркован красный паркетный внедорожник «Киа».

Постучав в дверь, они принялись ждать. Наконец послышались шаги.

Вот только дверь им открыла не Пэтти Келли.

Глава 21

– Да? – осведомился мужчина лет шестидесяти с волосами с сильной проседью и фигурой диванного бойца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.